

ЭКОНОМИКА И ПРАВО XXI ВЕК

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (ЯНВАРЬ-МАРТ)
2025 ГОД

Учредитель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал основан в 2009 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2010 г.

Выходит один раз в три месяца

ISSN 2076-2828

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-37809 от 15 октября 2009 г.)

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Экономика и право. XXI век

научно-правовой журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), государственного и муниципального управления, вопросам развития российского законодательства и экономики, актуальным проблемам государственного гражданского и предпринимательского права, а также вопросам экономики промышленности, агропромышленного комплекса, экономики строительства и операций с недвижимостью.

Главный редактор: Сангаджиев Бадма Владимирович

Первый заместитель главного редактора: Эриашвили Нодари Дарчоевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Козлова Вера Ивановна

Компьютерная верстка: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д.2, стр.3. Офис Б218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://economy-law.ru> **E-mail:** info@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-900-155-56-05

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Экономика и право. XXI век» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора: **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета.

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Б.В. Сангаджиев - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научнообразовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:

5.1.3. Гражданско-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Е.В. Богданов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.

А.Н. Левушкин — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.

А.Х. Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Научная специальность:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

Н.М. Бобошко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

А.Ф. Дятлова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Е.И. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Научная специальность:

5.2.7. Государственное и муниципальное управление.

Е.И. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

А.Н. Литвиненко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный экономист Российской Федерации.

О.В. Сараджева – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина.

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief: **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Laureate of the Russian Government Prize in Science and Technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (Ufa, Russia)

Scientific specialty:

5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities.

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (Ufa, Russia)

Scientific specialty:

5.1.3. Civil (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

E.V. Bogdanov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.

A.Kh. Mindagulov - Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD

Scientific specialty:

5.2.3. Regional and sectoral economy.

N.M. Boboshko - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

A.F. Dyatlova - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Accounting, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

E.I. Kuznetsova - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Scientific specialty:

5.2.7. State and municipal administration.

E.I. Kuznetsova - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

A.N. Litvinenko - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, St. Petersburg University, Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Economist of the Russian Federation.

O.V. Saradzheva - Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Department of Economic Security, Audit and Controlling, Russian State University named after A.N. Kosygin.

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, профессор
Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
эксперт РАН, Почетный адвокат России

Ж.А. Бокоев — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

С.Д. Каракозов — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

Р.М. Мырзалимов — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

К.Х. Рахимбердин — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL BOARD

Chairman: S.A. Ivanova — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

Zh.A. Bokoev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

A.P. Haloganov — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

S.D. Karakozov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University

V.V. Komarova — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)

R.M. Myrzalimov — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

K.Kh. Rakhimberdin — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Алаамери А.Х. * Международно-правовые основы понятия и содержания санкций.....11

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Грудцына Л.Ю. * Правовые основы прав человека как комплексной отрасли законодательства.....15

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Угурчиева Х.И. * Особенности финансовых маркетплейсов в России.....20

Викторов Р.О. * Правосубъектность искусственного интеллекта: прошлое, настоящее и будущее.....24

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Закиматов М.А. * Договоры о распоряжении исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности через призму исторического развития.....29

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Грудцына Л.Ю. * Электронное правосудие в США35

Приходько А.Е. * Особенности процессуального статуса прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства.....39

Скрабневская Е.С. * Присяжные заседатели как участники уголовно-процессуальных правоотношений.....43

Галлямов Д.Р. * Стратегия Франции в области искусственного интеллекта в сфере судопроизводства.....47

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Угурчиева Х.И. * Финансовый маркетплейс как важный элемент платформенной экосистемы.....51

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Приходько А.Е. * Реализация положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства России.....54

CONTENT:

POLICY AND LAW

Alaameri A.Kh. * International legal framework for the concept and content of sanctions.....11

HUMAN RIGHTS

Grudtsina L.Yu. * Legal foundations of human rights as a complex branch of legislation.....15

CONTROL THEORY

Ugurchieva Kh.I. * Features of financial marketplaces in Russia.....20

Viktorov R.O. * Legal personality of artificial intelligence: past, present, and future.....24

CIVIL AND BUSINESS LAW

Zakimatov M.A. * Contracts on disposal of exclusive rights to intellectual property objects through the prism of historical development.....29

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Grudtsina L.Yu. * Electronic justice in the United States.....35

Prikhodko A.E. * Features of the procedural status prosecutor at the pre-trial stage criminal proceedings.....39

Skrabnevskaya E.S. * Jurors as participants in criminal procedural legal relations.....43

Gallyamov D.R. * France's strategy in the field of artificial intelligence in the judicial proceedings.....47

LAW AND ECONOMICS

Ugurchieva Kh.I. * Financial marketplace as an important element of the platform ecosystem.....51

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Prikhodko A.E. * Comparative legal analysis of the provisions of the criminal and criminal procedure legislation of Russia.....54

ПОЛИТИКА И ПРАВО

АЛААМЕРИ Абдуллах Хушам,

аспирант кафедры Публичного права и правового обеспечения управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,

e-mail: professor60@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ САНКЦИЙ

Аннотация. В статье автор исследует вопросы международно-правового понимания содержания понятия «санкции». Автор статьи пишет о том, что санкции стали использовать как принудительные меры по отношению как к государствам, так и к другим субъектам права для того, чтобы добиться совершения от них определенных действий либо установления необходимого поведения. При том, что из действенного механизма, применяемого при международных противоправных деяниях санкции стали восприниматься мировым сообществом как инструмент ограничения и принуждения, который субъекты международной жизни как показывает практика научились «обходить» или приспособливаться к ним.

Ключевые слова: международные санкции, экономические санкции, политические меры, международное право, международная ответственность.

ALAAMERI Abdullah Khusham,

graduate student of the Department of Public Law and Legal Support of Management, FSBEI HE “State University of Management”

Supervisor:

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE CONCEPT AND CONTENT OF SANCTIONS

Annotation. In the article, the author explores issues of international legal understanding of the content of the concept of “sanctions.” The author of the article writes that sanctions began to be used as coercive measures against both states and other subjects of law in order to achieve the commission of certain actions from them or the establishment of the necessary behavior. Despite the fact that from the effective mechanism used in international unlawful acts, sanctions began to be perceived by the world community as an instrument of restriction and coercion, which the subjects of international life, as practice shows, have learned to “bypass” or adapt to them.

Key words: international sanctions, economic sanctions, political measures, international law, international responsibility.

По своему значению и занимаемому месту в международной жизни «санкции» выходят из международной ответственности, так как уже не полностью совпадают по своим характеристикам с общеизвестным инструментарием международной ответственности. Можно сказать, что «санкции» эволюционировали, содержание их изменилось, стало обширнее. На сегодняшний день с

уверенностью можно сказать, что содержание «санкций» состоит из экономической, политической и социальной составляющей. Причем, практика применения санкционной политики показывает, что все названные структурные позиции: экономический, политический, социальный аспекты многовариативны, включают в себя разнообразную видовую характеристику. При том, что если в прошлом веке «санкции» в основном носили экономический характер, то сейчас в содержании санкций можно увидеть огромное количество политических аспектов. По содержанию экономические санкции являются самыми проблематичными, так как могут включать в себя как отказ от режима наибольшего благоприятствования и приостановления торговых контрактов, так и установление полного экономического эмбарго.

Анализируя международные документы на предмет содержания в них определения «санкции» можно увидеть только попытки включения данного термина в международные акты, например, при обсуждении Проекта статей об ответственности государств специалист сферы международного права Р. Арго предлагал назвать статью в данном международном акте «Правомерное осуществление санкций», но, к сожалению, в международный акт была включена иная статья по названию «Ответные меры в отношении международно-противоправного деяния». Упомянутая выше Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН также не включила в свои положения термина «санкции». Даже практика закрепления и реализации санкционной политики государств не отражает в их законодательствах понятие и содержание санкций, а только предоставляет возможность их применения, например, США.

Таким образом, не закрепление в международно-правовых актах термина «санкции» порождает их расширительное толкование, предоставляет неограниченные возможности использования данного термина в международной жизни. Это можно наблюдать повсеместно, когда представители государств, международных организаций, средств массовой информации освещая любую международную проблематику в своих выступлениях употребляют термин «санкции» в контексте призывания к международной ответственности, забыв, подчас, о других, более «подходящих» к конкретной международной ситуации формах международно-правовой

ответственности.

Данный подход к использованию термина «санкции» на международной арене не является верным, так как право международной ответственности владеет более обширным инструментарием и готова предоставлять его субъектам права. Формы международно-правовой ответственности, их элементы разрабатывались теорией международного права долгое время, представляют собой устоявшееся правовое явление, способное отвечать на вызовы времени и оперировать всеми необходимыми формами ответственности на практике, в международной жизни. К сожалению, в международной жизни последних лет из-за расширительного толкования термина «санкции» употребляются в международном обороте только они, не давая возможность, например, контрамерам проявить в полной мере себя как инструмента международной ответственности.

Одной из проблем в понимании термина «санкции» и установления его содержания выступает тот аспект, что до недавнего времени санкции относились к международной ответственности, выступая его механизмом несмотря, что в зарубежной науке и практике международного права санкции всегда понимались достаточно широко. В отечественной юридической практике последних лет при работе с санкциями четко прослеживаются два основных направления:

1. «санкции» – это меры ответственности, налагаемые коллективным решением и Советом Безопасности ООН, имеющие четкие цели, состоящие в пресечении правонарушений и восстановление нарушенных прав прежде всего, а также призывание к ответственности правонарушителя, и ее реализация по отношению к нему. То есть в данном подходе «санкция» — это категория международного публичного права, которая налагается на правонарушителя за совершенное им международно-противоправное деяние;
2. «санкция» – это принудительная мера, чаще всего экономического либо политического характера, вводимая иностранным государством для побуждения к действию другое государство. В данном контексте

«санкция» — это категория международного частного права. Санкционная политика, проводимая зарубежными странами в отношении Российской Федерации, привела к пониманию того, что такие санкции либо ограничительные меры и вводимые нашим государством ответные меры выступают частью публичного порядка, который как известно выступает категорией российского международного частного права.

Санкции, в особенности односторонние экономического, политического, социального характера вводимые против Российской Федерации с целью подрыва ее экономической или иной составляющей государства не подлежат применению судами в соответствии с действующим российским законодательством и квалифицируются судами только через механизмы международного частного права [1]. В отношении понимания «санкции» как категории в международном частном праве высказал в 2019 году свою позицию Президиум Верховного Суда Российской Федерации, где отметил, что правоотношения, не урегулированные международным соглашением, ратифицированным Российской Федерацией, будут пониматься и регламентироваться в соответствии с нормами национального права [2].

Отметим, что такое понимание международных санкций в настоящее время является наиболее верным, так как становится очевидным различие в содержании санкций, в аспекте их применения и реализации. При том, что достаточно давно санкции стали использовать как принудительные меры по отношению как к государствам, так и к другим субъектам права для того, чтобы добиться совершения от них определенных действий либо установления необходимого поведения. При том, что из действенного механизма, применяемого при международных противоправных деяниях санкции стали восприниматься мировым сообществом как инструмент ограничения и принуждения, который субъекты международной жизни как показывает практика научились «обходить» или приспособливаться к ним.

Содержание санкций в настоящий период времени достаточно вариативно, впрочем, как их место в международном праве. Самыми

распространенными санкциями выступают экономические, которые могут вводиться как самостоятельно, так и вместе либо после применения политических санкций. Экономические санкции, например, по словам М. Кешнер, могут включать: «...эмбарго, бойкот, экономическую блокаду, замораживание финансовых ресурсов, включая средства, полученные или извлекаемые благодаря имуществу, находящемуся во владении или под прямым или косвенным контролем объекта санкций, запрет капиталовложений в экономику объекта санкций, а также предоставление ему финансовой, материальной, технической и другой помощи» [3].

Если российские теоретики науки международного права на термин «санкции» придерживаются «классического» подхода, который предполагает их наложение только коллективным решением, Советом Безопасности ООН, выявление целей санкций, которые состоят: в пресечение правонарушений и восстановление нарушенных прав прежде всего, призывание к ответственности правонарушителя и ее реализация по отношению к нему, то иностранные контрагенты давно максимально широко трактуют категорию «санкции», пользуются ими и для достижения своих политических, экономических целей в одностороннем порядке. В качестве примера приведем национальное законодательство США, позволяющее применять односторонние санкции. Данными нормативными правовыми актами выступают: Закон о торговле с врагом [4], содержащий в себе возможность вводить неограниченное количество санкций по отношению к враждебным государствам в период войны или чрезвычайной ситуации; Национальный закон о чрезвычайных полномочиях [5], Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях [6]. Причем в указанных законах США содержатся только основания применения односторонних санкций и процедурные аспекты их применения, но отсутствует дефиниция «санкции», что, в свою очередь, позволяет США максимально расширительно их толковать, и, соответственно, применять.

Таким образом, «санкции» в силу своей терминологической неопределенности, в последнее время, превратился в «каучуковую» категорию, позволяющую ее применять практически в любых сложных, противоречивых,

не стабильных международных ситуациях. Подобная неоднозначность категории «санкции» и ее использование повсеместно, всеми субъектами права отдаляет ее от права международной ответственности, которое пользуется своими инструментами только при наличии международно-противоправного деяния. «Санкции», на сегодняшний день, существуют обособленно в международной правовой системе в связи с неопределенностью понятия международными документами, а также в связи с расширительным их толкованием субъектами права.

Список литературы:

[1] Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 86-100; Примаков Д.Я. Санкционный комплаенс // Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы: Сб. статей / Под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 2-23; Starzhenetskii V., Butyrina V., Dragunova Iu. Ekonomicheskie sanktsii glazami rossiskikh sudei: mezhdy zashchitoi publichnogo poriadka i interesov biznesa // Mezhdunarodnoe prvosudie. 2018. № 4. P. 129-139.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 10.

[3] Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. С. 57.

[4] Trading with the enemy Act [Электронный ресурс] URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/twea.pdf>.

[5] National emergencies Act [Электронный ресурс] URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/1621/>

[6] International emergency economic power Act [Электронный ресурс] URL: <https://www.treasury.gov/resourcecenter/sanctions/Documents/ieepa.pdf>.

Spisok literatury:

[1] Aksenov A.G. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnyh kommercheskih kontraktov v usloviyah ekonomicheskikh sankcij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2020. № 5. S. 86-100; Primakov D.Ya. Sankcionnyj kompliens // Ekonomicheskie sankcii protiv Rossii: pravovye vyzovy i perspektivy: Sb. statej / Pod red. S.V. Glandina, M.G. Doraeva. M.: Infotropik Media, 2018. S. 2-23; Starzhenetskii V., Butyrina V., Dragunova Iu. Ekonomicheskie sanktsii glazami rossiskikh sudei: mezhdy zashchitoi publichnogo poriadka i interesov biznesa // Mezhdunarodnoe prvosudie. 2018. № 4. P. 129-139.

[2] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.07.2019 № 24 «O primenenii norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossijskoj Federacii» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2019. № 10.

[3] Keshner M.V. Ekonomicheskie sankcii v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya. M.: Prospekt, 2015. S. 57.

[4] Trading with the enemy Act [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/twea.pdf>.

[5] National emergencies Act [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/1621/>

[6] International emergency economic power Act [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.treasury.gov/resourcecenter/sanctions/Documents/ieepa.pdf>.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России,

e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Рассматривая образование комплексных отраслей права, автор статьи делает вывод о том, что порок методологического подхода в их формировании в немалой степени состоит в попытке включить в рамки классической системы права правовые образования, построенные на основе того же самого правового порядка, но по иным критериям. Стремительное развитие российского законодательства привело к тому, что наряду со старыми комплексными отраслями права формируются новые, такие как предпринимательское, лицензионное, коммерческое, нотариальное, транспортное, медицинское право. Неизбежным следствием взаимодействия различных отраслей права между собой является одновременное воздействие их норм на одни и те же отношения, что затрудняет определение четких рамок этих правоотношений.*

Ключевые слова: *права человека, комплексная отрасль права, комплексная отрасль законодательства, система права, предмет правового регулирования.*

GRUDTSINA Ludmila Yu.,

doctor of law, professor, professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia

LEGAL FOUNDATIONS OF HUMAN RIGHTS AS A COMPLEX BRANCH OF LEGISLATION

Annotation. *Considering the formation of complex branches of law, the author of the article concludes that the vice of the methodological approach in their formation is to a large extent an attempt to include legal entities built on the basis of the same legal order, but according to other criteria, in the framework of the classical legal system. The rapid development of Russian legislation has led to the fact that along with old complex industries, new laws are being formed, such as entrepreneurial, licensed, commercial, notarial, transport, medical law. The inevitable consequence of the interaction of different branches of law among themselves is the simultaneous impact of their norms on the same relations, which makes it difficult to define a clear framework for these legal relations.*

Key words: *human rights, complex branch of law, complex branch of legislation, system of law, subject of legal regulation.*

Стремительное развитие российского законодательства привело к тому, что наряду со старыми комплексными отраслями права формируются новые, такие как предпринимательское, лицензионное, коммерческое, нотариальное, транспортное, медицинское право. Неизбежным следствием взаимодействия различных отраслей права между собой является одновременное воздействие их норм на одни и те же отношения, что затрудняет определение четких рамок этих правоотношений [1].

Правоотношение есть отношение общественное — следовательно, отношение только между людьми [2], что признается еще со времен Ф.С. Савиньи [3]. Следовательно, правоотношения не может быть между человеком и вещью [4]. Совокупность обязанности к действию и права на действие составляет содержание правоотношения [5].

«Попытки конструирования бесчисленных новых «отраслей права» ведут к размыванию системы, к излишней дифференциации правового регулирования, к ослаблению связей внутри

системы права. Объединение норм различных отраслей права по признаку вида деятельности не означает «интеграции», «амальгамирования» этих норм, их «сплава» в целое. Эти звучные слова таковыми и остаются, а нормы различных отраслей права применяются в соответствии со спецификой и характерными особенностями каждой отрасли. Четкое различие их норм дает возможность определения оптимального соотношения различных методов и правовых средств регулирования» [6]. Это наглядно убеждает в сложности рассматриваемого вопроса о принадлежности норм права, регулирующих весь комплекс общественных отношений в сфере прав человека, к тому или иному структурному элементу правовой системы [7].

Однако необходимо учитывать, что система права не может не изменяться в соответствии с развитием общественных отношений, вновь и вновь производить обновление своих институтов, удовлетворяя новым общественным потребностям. Естественно, что такие изменения не должны конституироваться искусственно и опережать развитие соответствующих общественных отношений, поскольку в противном случае правовое регулирование будет неэффективным, а система права не обретет необходимой стабильности [8].

Образование любой новой отрасли права не самопроизвольный процесс, оно обусловлено изменениями, происходящими в социально-экономической сфере. Идет постепенное, в течение достаточно длительного времени, накопление однотипного нормативного материала, который уже нуждается в унификации и обособлении в рамках отрасли права. Но здесь надо учитывать, что в ряде случаев отдельные появляющиеся нормы права подчас оказываются вообще неспособными урегулировать возникающие отношения [9].

Термин «комплексная отрасль» используется ныне сторонниками соответствующей теоретической конструкции на иной, чем ранее, концептуальной основе, и в соответствии с этим он приобретает иной смысл. В качестве комплексных рассматриваются только такие общности правовых норм, которые реально объективировались в правовой системе и, не разрушая основной структуры права, существуют в виде вторичных правовых образований. Именно поэтому права человека, будучи вторичным правовым образованием, являются комплексной отраслью

российского законодательства [10]. Например, С.С. Алексеев пишет: «Большинство комплексных отраслей формируется в связи с необходимостью специализированного регулирования определенной группы отношений на основе и в рамках существующих отраслевых юридических режимов. Хотя каждая комплексная отрасль имеет свой предмет регулирования (рассматриваемый, правда, в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей), этот предмет не требует особого метода и механизма регулирования [11]. Он предопределяет лишь необходимость относительного обособленного нормативного регулирования и некоторое юридическое своеобразие - отдельные специфические принципы, положения, приемы регулирования», непосредственно связанные с отдельными видами деятельности, с признанием их абсолютной существенности и специфичности по якобы особому предмету правового регулирования [12].

При подобном построении так называемых комплексных отраслей права под предметом правового регулирования понимается весь комплекс общественных отношений, возникающих в сфере прав человека, вне зависимости от субъектного состава, от способов и средств правового регулирования общественных отношений.

Подобные комплексные образования системы права создаются в рамках уже существующих отраслевых юридических режимов правового регулирования – «особой системы правового воздействия, состоящей в специфике методов правового регулирования, особенностях правовых связей, во всем строе правовых отношений», т.е. из тех самостоятельных частей классической системы права, которые взаимодействуют между собой именно на границах структурных составляющих указанной системы. Преувеличивая значение подобного взаимодействия (интегрирования) отдельных самостоятельных элементов системы права над их дифференциацией, некоторые ученые-правоведы и формируют наделенные внутренней неоднородностью правовые образования, тем самым фактически закрепляя принцип доминирования данных пограничных компонент системы права.

Права человека как регулируемый правовыми нормами институт, безусловно, зародились в недрах конституционного права, имеют там свою «прописку» и правовые

корни. Юридические нормы, входящие в комплексные образования, остаются по своим исходным моментам в главной структуре, в основных отраслях и на них распространяются общие положения соответствующих основных отраслей. Во вторичную структуру они входят, оставаясь нормами гражданского, уголовного, административного, трудового права и др.

Наука развивается. Вспомним, что 90 лет назад некоторые исследователи выдвигали идею о понимании государственного (конституционного) права в широком смысле как охватывающего собой уголовное, гражданское, административное, судебное и даже международное право [13]. Однако спустя многие годы итогом научных исследований и споров стало их выделение в самостоятельные отрасли. И это уже не вызывает ни удивления, ни, тем более, отрицания. Например, А.Я. Вышинский в первом в России учебнике по государственному праву определяет предмет науки государственного права как «общественные отношения, регулируемые правовыми нормами и институтами, отражающими, закрепляющими и развивающими общественный и государственный строй данного общества, систему общественных и государственных учреждений, принципы их взаимоотношений, объем их прав и обязанностей, методы деятельности, а также общественные отношения, регулируемые различного рода публично-правовыми институтами, определяющими права и обязанности как в их взаимоотношениях с обществом и государством, так и в их взаимоотношениях между собой» [14]. Кстати говоря, данное определение А.Я. Вышинского было подвергнуто критике за то, что «характеризует более предмет права в целом, нежели предмет государственного права» [15].

Наука идет вперед. Появление новых отраслей и подотраслей права связано с расширением круга объектов правового регулирования, которое само по себе неизбежно и сегодня как никогда обусловлено возникновением новых отношений, которые в силу своей социальной значимости, должны быть урегулированы правом. Наличие публичного интереса и обуславливает появление нормативных актов, регулирующих такие отношения. Данный процесс не является принципиально новым для российской правовой системы, на предыдущем этапе развития которой успешно обособились в качестве самостоятельных отраслей права семейное, трудовое, гражданское

право (вспомним, что в СССР, в рамках командно-административной системы распределения, по сути не было гражданского права) и некоторые другие отрасли. Это объяснялось повышенной социальной значимостью отдельных групп общественных отношений.

Нормы законодательства о правах человека объединяются в особую юридическую общность не по главным, а по вторичным юридическим особенностям, не нарушая системы и структуры основной отрасли права – конституционного [16]. Как справедливо отмечает С.В. Навальный, юридические особенности заключаются в особых принципах, общих положениях, специфических приемах регулирования, особых правовых категориях, понятиях и институтах. Названные элементы позволяют говорить о наличии в избирательном праве «специфического отраслевого оттенка».

Любая правовая система обладает свойством так называемой «нормативной инерции», согласно которому по мере развития правовой системы новые нормы права первоначально включаются в состав одной из уже существующих отраслей права (подотраслей, институтов), если такое включение не создает особых затруднений вследствие правовой специфики данных норм. Данное свойство во многом является выражением принципа «бритвы Оккама», сформулированного английским философом-номиналистом У. Оккамом еще в XIII в., суть которого весьма проста: для описания новых явлений не следует вводить новых понятий, если эти явления могут быть описаны с помощью уже имеющихся моделей и конструкций [17].

Что касается прав человека, то, безусловно, было бы неверно «вырывать» их из конституционного права, которое – еще раз подчеркнем – является «колыбелью» юридического оформления (своего рода «правового рождения») прав человека [18]. Права человека были и останутся в конституционном праве. На повестке дня стоит другой вопрос: есть ли достаточные основания считать права человека комплексной отраслью законодательства? Представляется, что да.

Исследуя эту вторичную структуру, нельзя не согласиться с С.С. Алексеевым в том, что перед нами особая юридическая целостность: нормы комплексного образования по иному предмету и по

иным, пусть неглавным, юридическим особенностям вторично, ничуть не нарушая архитектоники основных отраслей [19] и не исключая из их состава ни единой нормы, объединяются в особую общность. Специфические принципы, общие положения, приемы регулирования, установленные в результате комплексной кодификации, имеют значение своеобразного силового поля, не только объединяющего юридически разнородный материал в известную целостность, но и придающего ему пусть и вторичный, но специфически отраслевой оттенок, особую окраску. И в конечном итоге оказывается, что хотя нормы комплексной отрасли или института можно и нужно «распределять» по основным отраслям, но «замкнуть» их только в рамках основных отраслей нельзя [20].

Необходимость комплексных нормативных актов обусловлена требованиями экономических, а также социально-политических и иных господствующих отношений [21]. Но есть и юридический критерий, который в соответствии с указанной необходимостью дает возможность решить вопрос о целесообразности издания того или иного кодифицированного комплексного акта.

Этот критерий заключается в ответе на вопрос: существует ли необходимость, а также возможность включения в ткань правовой системы новых моментов (принципов, общих положений; приемов регулирования), обогащают ли они правовое регулирование и способен ли данный акт через системные нормативные обобщения объединить юридически разнородный правовой материал?

Идея комплексных отраслей была выдвинута на том уровне разработки системы права, когда только начало утверждаться положение о ее объективности, а первоначальные варианты рассматриваемой идеи либо наводили на мысль о возможности произвольного конструирования отраслей по любому самостоятельному предмету [22], либо сводились к признанию возможности произвольной компоновки правового материала на началах простой систематики [23]. Естественно, при такой интерпретации идея комплексных отраслей вызвала и продолжает вызывать вполне обоснованные возражения. Потому-то понятие «комплексная отрасль» оказалось некоторым образом дискредитированным.

Список литературы:

- [1] Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение безопасности персональных данных в эпоху больших данных / В сборнике: Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы. Сборник научных трудов. Отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. 2018. С. 174-181.
- [2] «Капитал — не вещь, а общественные отношения между людьми, опосредованные вещами»; «Капитал есть общественно-производственное отношение» (К. Маркс. Капитал. - Т.1. - 1950. - С. 719).
- [3] Савиньи Ф.К. Обязательственное право. М., 1876. - С. 6.
- [4] Магазинер Я.М. Объект права // Правоведение. - 2000. - № 6 (233). - С. 202-213.
- [5] Семенцова А.А. Особенности применения предупреждения за нарушения в сфере государственного оборонного заказа // Право и управление. 2021. № 4. С. 36.
- [6] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношениях. - М.: Юр. лит., 1974. - С. 271, 272.
- [7] Москаленко А.И. Вопросы гражданско-правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и управление. 2021. № 1. С. 53-54.
- [8] Жарова А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности при использовании интернета вещей // Информационное право. 2019. № 4. С. 31-34.
- [9] Коровяковский Д.Г. Институциональное развитие юридического образования и юридической науки // Право и управление. 2021. № 1. С. 9.
- [10] Жарова А.К., Стрельцов А.А. Защита интеллектуальной собственности // Учебник / Москва, 2019. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (4-е изд., пер. и доп).
- [11] Шокумов Ю.Ж. Понятие и система судов общей юрисдикции и арбитражных судов в Российской Федерации // Право и управление. 2021. № 4. С. 26.
- [12] Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – С. 196.
- [13] Советское государственное право. Учебник. – М., 1938.
- [14] Советское государственное право. Учебник. – М., 1938. – С. 86.
- [15] Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. – М., 1959. – С. 6.
- [16] Миронов В.О. Проблемы корейского полуострова: история вопроса // Право и управление. 2021. № 4. С. 44.
- [17] Фогельсон Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств. Курс лекций. – М.: Юристъ,

2001. - С. 23.

[18] Иванова С.А. Роль частного и публичного права в формировании институтов гражданского общества // Право и управление. 2021. № 1. С. 49.

[19] Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х томах, Т. I. — М.: «Юридическая литература», 1981. - С. 254.

[20] Жарова А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности в «умных городах» // Юрист. 2019. № 12. С. 69-76.

[21] Молчанов С.В., Грудцына Л.Ю. Модель правовых статусов субъектов образовательного процесса как многоуровневой системы с расширенным функционалом // Право и управление. 2021. № 4. С. 46.

[22] Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования, с. 190.

[23] Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. - 1957. - № 1. - С. 45.

Spisok literatury:

[1] Zharova A.K., Elin V.M. Obespechenie bezopasnosti personal'nyh dannyh v epohu bol'shih dannyh / V sbornike: Dinamika institutov informacionnoj bezopasnosti. Pravovye problemy. Sbornik nauchnyh trudov. Otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. 2018. S. 174-181.

[2] «Kapital — ne veshch', a obshchestvennye otnosheniya mezhdru lyud'mi, oposredovannye veshchami»; «Kapital est' obshchestvenno-proizvodstvennoe otnoshenie» (K. Marks. Kapital. - T.1. - 1950. - S. 719).

[3] Savin'i F.K. Obyazatel'stvennoe pravo. M., 1876. - S. 6.

[4] Magaziner Ya.M. Ob'ekt prava // Pravovedenie. - 2000. - № 6 (233). - S. 202-213.

[5] Semencova A.A. Osobennosti primeneniya preduprezhdeniya za narusheniya v sfere gosudarstvennogo oboronnoho zakaza // Pravo i upravlenie. 2021. № 4. S. 36.

[6] Halfina R.O. Obshchee uchenie o pravootnosheniyah. - M.: Yur. lit., 1974. - S. 271, 272.

[7] Moskalenko A.I. Voprosy grazhdansko-pravovoj ohrany i zashchity intellektual'noj sobstvennosti v seti Internet // Pravo i upravlenie. 2021. № 1. S. 53-54.

[8] Zharova A.K. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti pri ispol'zovanii interneta veshchej // Informacionnoe pravo. 2019. № 4. S. 31-34.

[9] Korovyakovskij D.G. Institucional'noe razvitie yuridicheskogo obrazovaniya i yuridicheskoy nauki // Pravo i upravlenie. 2021. № 1. S. 9.

[10] Zharova A.K., Strel'cov A.A. Zashchita intellektual'noj sobstvennosti // Uchebnik / Moskva, 2019. Ser. 61 Bakalavr i magistr. Akademicheskij kurs (4-e izd., per. i dop).

[11] Shokumov Yu.Zh. Ponyatie i sistema sudov obshchej yurisdikcii i arbitrazhnyh sudov v Rossijskoj Federacii // Pravo i upravlenie. 2021. № 4. S. 26.

[12] Alekseev S.S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. — M., 2001. — S. 196.

[13] Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. Uchebnik. — M., 1938.

[14] Sovetskoe gosudarstvennoe pravo. Uchebnik. — M., 1938. — S. 86.

[15] Kotok V.F. O predmete sovetskogo gosudarstvennogo prava // Voprosy sovetskogo gosudarstvennogo prava. — M., 1959. — S. 6.

[16] Mironov V.O. Problemy korejskogo poluostrova: istoriya voprosa // Pravo i upravlenie. 2021. № 4. S. 44.

[17] Fogel'son Yu.B. Izbrannye voprosy obshchej teorii obyazatel'stv. Kurs lekcij. — M.: Yurist", 2001. - S. 23.

[18] Ivanova S.A. Rol' chastnogo i publicnogo prava v formirovanii institutov grazhdanskogo obshchestva // Pravo i upravlenie. 2021. № 1. S. 49.

[19] Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava: V 2-h tomah, T. I. — M.: «Yuridicheskaya literatura», 1981. - S. 254.

[20] Zharova A.K. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti v `umnyh gorodah` // Yurist. 2019. № 12. S. 69-76.

[21] Molchanov S.V., Grudcyna L.Yu. Model' pravovyh statusov sub'ektov obrazovatel'nogo processa kak mnogourovnevoj sistemy s rasshirenym funkcionalom // Pravo i upravlenie. 2021. № 4. S. 46.

[22] Rajher V.K. Obshchestvenno-istoricheskie tipy strahovaniya, s. 190.

[23] Tolstoj Yu.K. O teoreticheskikh osnovah kodifikacii grazhdanskogo zakonodatel'stva // Pravovedenie. - 1957. - № 1. - S. 45.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УГУРЧИЕВА Х.И.,

магистрант 3 курса ИнгГУ, кафедры «Финансы и кредит»,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

ОЗДОЕВА Зарифа Хамзатовна,

доцент, кандидат экономических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВЫХ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены теоретические основы развития маркетплейсов в России, отличие их от других торговых интернет-ресурсов, дано понятие финансовых маркетплейсов и их роль, рассмотрены различия в регулирование финансовых маркетплейсов в России и за рубежом.*

Ключевые слова: *маркетплейсы, сайты-агрегаторы, интернет-магазин.*

UGURCHIEVA Kh.I.,

3rd year Master's student at IngGU, Department of Finance and Credit

Scientific supervisor:

OZDOEVA Zarifa Khamzatovna,

associate professor, candidate of economic sciences

FEATURES OF FINANCIAL MARKETPLACES IN RUSSIA

Annotation. *The article examines the theoretical foundations of the development of marketplaces in Russia, their difference from other online trading resources, the concept of financial marketplaces and their role, and the differences in the regulation of financial marketplaces in Russia and abroad.*

Key words: *marketplaces, aggregator sites, online store.*

Определенная часть современных торговых отношений уже довольно давно перешла в область электронного сотрудничества. Электронная коммерция («E-commerce») на сегодняшний день представляет собой динамично развивающийся сегмент рыночных отношений и перспективный торговый инструмент, дающий возможность быстрее, удобнее и эффективнее проводить различного рода экономические операции, что особенно актуально в нестабильной, неопределенной социально-политической и финансово-экономической ситуации в мире. По оценкам экспертов, к середине 21 века с помощью электронной коммерции будет реализовываться практически 95% торговых операций.

Одной из форм E-commerce являются маркетплейсы, опыт положительного развития которых уже имеется не только в мире, но и в России.

Маркетплейсы в России явление новое,

развивающееся, в связи с чем теоретических исследований и обобщений практических наработок очень мало, но уже есть некоторые изыскания в отношении теоретических основ данного экономического явления.

Kawa A., Wałęsiak M. В своей работе «Маркетплейс как ключевой участник электронной коммерции» обобщенно определяют маркетплейс как платформу, на которой неограниченное количество продавцов предлагают свои услуги неограниченному количеству покупателей [1].

С точки зрения Марченкова А., маркетплейс представляет собой средство (инструмент), с помощью которого формируется предложение продавца потребителю [2].

По мнению Елина И., маркетплейс является электронной площадкой, на которой происходит процесс покупки-продажи товаров и услуг от разных продавцов [3].

Давая интервью RB.RU, Ари Кравчин сравнил маркетплейсы с биржей, так как разнообразие товарного спроса и предложений создает привлекательное преимущество для продавцов, сотрудничающих с платформой, в вопросах повышения товарооборота [4].

Румянцева Ю.В. и Глотов Д.С. трактуют сущность маркетплейса как посреднического инструмента между продавцами и покупателями, который с помощью различной информации дает возможность потребителям выбирать необходимый товар, сравнивая его с другими предложениями и изучая отзывы [5].

Обобщая вышеизложенные определения, можно сказать, что маркетплейс – это электронный сетевой ресурс (портал, веб-сайт, приложение и т.д.) торгово-посреднической направленности, на котором размещается информация продавцов о торговых предложениях для покупателей, проводятся торговые сделки (купля-продажа) и имеется возможность для покупателей реализовать обратную связь (оставить отзыв).

Развитие электронной коммерции обусловило появление значительного количества инструментов для торговли, которые, по предназначению, не сильно отличаются от маркетплейсов, но имеют принципиально другую структуру деятельности.

Так, маркетплейс и интернет-магазин предназначены для проведения купли-продажи товаров, но при этом, если интернет-магазин представляет собой аналог реального магазина, в котором могут быть представлены как товары одного производителя, так и ассортимент товаров от неопределенного множества производителей, то маркетплейс представляет собой аналог торгового центра, где производитель или продавец занимает свою конкретную территорию, в рамках которой реализует либо один товар, либо ассортимент различных товаров, при этом отвечая за самостоятельную рекламу, оплату аренды, ценовую политику и т.д.

Маркетплейсы также отличаются от сайтов-агрегаторов цен. Сайты-агрегаторы предназначены для быстрого выбора информации о товарах и услугах. На сайтах-агрегаторах собирается и организуется массив информации о товарах, услугах, поставщиках и т.д., имеется возможность связаться с поставщиками товаров и услуг, но сам процесс купли-продажи или иные

взаимосвязанные с данной информацией действия происходят непосредственно на интернет-ресурсах, принадлежащих данному поставщику, т.е. сайты-агрегаторы выполняют функции посредника. Таким образом организована работа таких площадок, как Яндекс, Авито.

Таким образом, на сегодняшний день не сформирован единый понятийный аппарат в отношении маркетплейсов, что в свою очередь, ведет к сложностям, как правового, так и экономического порядка.

Обобщая теоретические аспекты, изложенные выше, можно сделать вывод, что финансовый маркетплейс – это интернет-ресурс, аккумулирующий в себе информацию о финансовых продуктах и услугах, дающий возможность воспользоваться предлагаемыми продуктами (услугами) в рамках данного интернет-ресурса.

Обращает на себя внимание, что в России инициативу по созданию финансовых маркетплейсов проявил Центральный Банк России. Также ЦБ РФ поддерживает заинтересованность граждан в работе таких интернет-ресурсов, акцентируя на том, что на электронных площадках собрано максимальное количество предложений доступных для населения финансовых товаров и услуг, имеется возможность быстро получить необходимый товар или услугу практически круглосуточно, без учета территориальной удаленности, дистанционно оформить необходимые документы и избежать проблем, возникающих из-за человеческого фактора, например, недобросовестное информирование (искажение информации) о продуктах и услугах сотрудниками финансовой организации [6].

В правовом поле деятельность финансовых маркетплейсов регулируется Федеральным законом «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 № 211-ФЗ. Данный закон регламентирует правила работы платформы (ст.4 Закона), права и обязанности пользователей и операторов маркетплейса.

На сегодняшний момент, наличие правового документа – закона, регламентирующего работу маркетплейса, выделяет Россию в международном правовом поле, так как в большинстве мировых государств правовое регулирование деятельности маркетплейсов представлено директивным

документом.

Работу финансовых маркетплейсов в России курирует ЦБ РФ, который ведет реестр действующих площадок и контролирует, как данные площадки обеспечивают безопасность заключения сделок и защиты персональных данных их участников. Маркетплейсы обязаны предоставлять информацию о всех сделках регистратору финансовых транзакций (РФТ), который находится в ведении ЦБ РФ, что в случае технических сбоев дает гарантию сохранения данных. Подобный контроль увеличивает возможности дополнительной защиты и гарантии безопасности для субъектов, участвующих в различных финансовых отношениях на маркетплейсах.

Наряду с финансовыми маркетплейсами в России, работающими на основе транзакционной модели, функционируют финансовые сайты-агрегаторы, деятельность которых выстроена по лидогерационной модели. Обращает на себя внимание, что в сферу курации ЦБ РФ финансовые сайты-агрегаторы не входят, в связи с чем нарушаются принципы свободной конкуренции на финансовом рынке.

С 2015 года в Европе действует Директива о платежных услугах (PSD2), на основании которых банки обязаны предоставлять информацию о клиентах сторонним организациям через API. Благодаря данной Директиве финансовые маркетплейсы получили возможность, с разрешения пользователя, получать необходимые

данные. Эта инновация убрала монополию банков на персональные данные, расширила границы рынков, что, в свою очередь, привело на рынок новых игроков, увеличило конкуренцию и снизило цены на предоставляемые товары и услуги для участников финансовых отношений. В России данная инициатива не нашла признания.

По нашему мнению, с одной стороны открытие персональных данных для сторонних организаций, по результатам зарубежной практики, ведет к улучшению деятельности финансовых маркетплейсов, а с другой стороны – резко возрастает риск мошенничества.

Таким образом, развитие финансовых маркетплейсов в России является положительным явлением, которое выгодно, как поставщикам финансовых товаров и услуг (Финансовые организации), так и их потребителям.

Поставщики получают расширение клиентской базы и повышение оборота товаров и услуг. Потребители имеют возможность в любое время, практически в любом месте, быстро, качественно, доступно и безопасно получить любой финансовый продукт или услугу, повысить свою финансовую грамотность.

Государство заинтересовано в развитии конкурентной среды, привлечение большего количества участников на финансовые рынки и повышение осведомленности граждан в сфере финансовых взаимоотношений.

Список литературы:

- [1] Kawa A., Wałęsiak M. Marketplace as a Key Actor in E-commerce Value Networks // LogForum. 2019. Vol. 15. Is. 4. P. 521–529. DOI: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.351>.
- [2] Марченков А.А. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции / Научные стремления. – 2019. - № 26. – С.65-67
- [3] Елин И.Д. Маркетплейс - будущее электронной коммерции // <https://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22873>
- [4] Чумак Л «Маркетплейс — это локальная история» // <https://rb.ru/interview/local-globalism/>
- [5] Румянцева Ю.В., Глотов Д.С. Организация и перспективы развития маркетплейсов: В сборнике Информационные технологии в управлении, автоматизации и мехатронике – Курск, 2020. – С.171-177
- [6] Львова М.И., Каменщик В.М. Перспективы развития финансовых маркетплейсов // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. - № 1. – С.187-193

Spisok literatury:

- [1] Kawa A., Wałęsiak M. Marketplace as a Key Actor in E-commerce Value Networks // LogForum. 2019. Vol. 15. Is. 4. P. 521–529. DOI: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.351>.
- [2] Marchenkov A.A. Marketplejsy kak glavnyj trend elektronnoj kommercii / Nauchnye stremleniya. – 2019. - № 26. – S.65-67

[3] Elin I.D. Marketplejs - budushchee elektronnoj kommercii // <https://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=22873>

[4] Chumak L «Marketplejs — eto lokal'naya istoriya» // <https://rb.ru/interview/local-globalism/>

[5] Rumyancheva Yu.V., Glotov D.S. Organizaciya i perspektivy razvitiya marketplejsov: V sbornike Informacionnye tekhnologii v upravlenii, avtomatizacii i mekhatronike – Kursk, 2020. – S.171-177

[6] L'vova M.I., Kamenshchik V.M. Perspektivy razvitiya finansovyh marketplejsov / Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. - № 1. – S.187-193

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВИКТОРОВ Роман Олегович,
магистрант 3 курса юридического факультета СЗИУ РАНХИГС юрисконсульт ООО «Агентство
«Балтийская экспедиция»,
e-mail: roman.viktorov.1996@mail.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правосубъектности искусственного интеллекта (далее – ИИ). Исследуются проблемы понимания его сущности, приобретения и реализации им прав и обязанностей, а также несения юридической ответственности. Рассматриваются позиции ученых, предлагающих наделить ИИ статусом объекта права или субъекта права, или смешанным статусом, анализируются подходы к пониманию ИИ, его правовой статус в Российской Федерации и за рубежом, тенденции, модели и проблемы его развития. Последовательно отстаивается точка зрения, что сейчас даже самый «сильный» ИИ невозможно признать субъектом права, но это возможно в будущем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, (квази-) правосубъектность, субъект права, электронное лицо, автономность, эмоционально-волевая сфера, объект права, юридическая ответственность, деликтоспособность, интеллектуальные права.

VIKTOROV Roman Olegovich,
3rd year master's student Faculty of Law of SZIU RANEPА Legal Adviser of the Baltic Expedition Agency LLC

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PAST, PRESENT, AND FUTURE

Annotation. The article discusses the problems of the legal personality of artificial intelligence (hereinafter – AI). The problems of understanding its essence, acquiring and exercising its rights and obligations, as well as bearing legal responsibility are investigated. The positions of scientists proposing to give AI the status of an object of law or a subject of law, or a mixed status, are considered, approaches to understanding AI, its legal status in the Russian Federation and abroad, trends, models and problems of its development are analyzed. The point of view is consistently defended that now even the most «powerful» AI cannot be recognized as a subject of law, but this is possible in the future.

Key words: artificial intelligence, (quasi-) legal personality, subject of law, electronic person, intelligence, emotional-volitional sphere, object of law, legal responsibility, tort capacity, and intellectual rights.

В качестве введения стоит отметить, что актуальность темы заключается в том, что ИИ все более активнее внедряется во все сферы жизни общества, но, несмотря на обилие научных публикаций, касающихся правовых аспектов использования ИИ, ни в одной из них нет систематически и комплексно исследованного вопроса наделения ИИ статуса субъекта права, а главное – перспектив его развития. ИИ принимает автономные решения, совершает действия, имеющие юридические последствия, в том числе, порождающие права и обязанности, а также юридическую ответственность, в связи с чем возникает проблема его правового статуса.

Теме исследования посвящено значительное количество работ, в том числе, В.В. Архипова, О.С. Болотаевой, Р.В. Душкина, В.А.

Лаптева, П.М. Морхата, В.Б. Наумова, Kopfstein J., Marshall, Solaiman S.M., Willick S., но в них либо переоцениваются возможности искусственного интеллекта, либо недооценивают его перспективы развития, а также на недостаточном уровне рассматриваются проблемы юридической ответственности.

Цели исследования состоят в разностороннем изучении правовой сущности ИИ, его становления, текущего состояния и перспектив развития, решении проблем допустимости (недопустимости) признания его субъектом права и его юридической ответственности.

Для достижения этих целей поставлены такие задачи, как исследовать позиции ученых и

практиков, правовое регулирование и юридическую практику, теоретические и прикладные проблемы, предложить пути их решения.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с правовым статусом ИИ. Предмет исследования – правовые нормы, научные работы и юридическая практика по рассматриваемой теме.

Нами применены общенаучные методы (диалектический, логические методы) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, правового прогнозирования, юридического толкования, историко-правовой, юридико-догматический, формально-правовой).

Анализ литературы показывает, что примерно с середины прошлого века началось серьезное исследование ИИ. Многими авторами Алан Тьюринг рассматривается в качестве «пионера» теории ИИ с его знаменитым «тестом Тьюринга», который помогает понять может ли мыслить «машина». С нашей точки зрения, его преимуществом явились ширина темы, простота, а недостатками – излишняя направленность на интеллект человека, непрактичность и отсутствие грани между реальным и искусственным интеллектом, но он, бесспорно, явился важной вехой.

Ученые единодушны, что точкой отсчета в развитии ИИ является появление в 50-х гг. XX века специальных технических средств, способных предложить подходящий алгоритм для принятия решений в конкретной обстановке.

Следующим этапом в эволюции ИИ является машинное обучение, которое смогло автономно создавать модели на основании поиска корреляции между исходными данными и конечным результатом.

В Российской Федерации официальное понятие ИИ было впервые закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1, с. 401-402], раскрывается

понятие «комплекса технологических решений», достоинствами которого, по нашему мнению, является выделение его комплексности, способности имитировать когнитивные функции человека и получать результаты конкретных задач, а также сопоставимость или превосходство над результатами интеллектуальной деятельности людей, но умалчивает о его правовом статусе и ответственности за результаты его деятельности.

Мы считаем, что развитие ИИ за последнее время происходило эволюционным путем, и он постоянно и неуклонно совершенствовался, и этом процесс, по нашему мнению, будет прогрессировать.

Ученые указывают, что развитие ИИ достигло такого предела, что он может совершать влекущие юридические последствия как под контролем человека, так и самостоятельно, что может привести к неблагоприятным последствиям из-за возможности потери над ним контроля [2, с. 15]. Обсуждается необходимость разработки даже отдельной отрасли права [3, с. 102], с чем нельзя не согласиться, но не стоит и переоценивать, например, мы считаем, что оснований для возникновения новой отрасли права пока нет, так как не сложилось сочетание предмета и метода правового регулирования.

В литературе сложилось три основных подходы к пониманию правового статуса ИИ, а именно: признание его полноценным субъектом права, объектом права, а также ограниченно-правосубъектным образованием [4, с. 145]. Позиция первой группы авторов сводится к тому, что ИИ достиг интеллектуальных способностей человека, а иногда и способен их превосходить, тяжело провести грань между результатами интеллектуальной деятельности человека и ИИ [5, р. 5]. С нашей точки зрения, это утверждение не в полной мере соответствует действительности, так как, все таки ИИ пока не может превосходить человека, например, системы проверки на антиплагиат моментально выявляют текст, сгенерированный ИИ. Выдвигается концепция «электронного лица», которую авторы описывают как «формализованный технико-юридический образ, обладающий некоторыми признаками юридической фикции».

В.А. Лаптев считает, что ИИ обладает признаками субъекта предпринимательской деятельности с возможностью привлечения его к юридической ответственности. Некоторые авторы

выдвигают гипотезы о возможности уголовной ответственности ИИ. Выдвигаются гипотезы об отождествлении в юридическом смысле человека и ИИ [6, с. 88-89; 7, с. 358]. С учётом того, что в н.в. в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует конструкция уголовной ответственности юридического лица, из-за того, что ее трудно интегрировать в существующую правовую систему, говорить сейчас об уголовной ответственности ИИ явно не приходится.

Многие авторы считают, что ИИ надо наделить статусом юридического лица, то есть правовой конструкцией, отделенной от физического лица, наделенной собственными правами и обязанностями. Основная дискуссия среди представителей этой концепции сводится к критериям надления ИИ теми или иными правами и обязанностями.

Внешняя обособленность, персонификация, способность вырабатывать, выражать и осуществлять единую волю, распознавать и оценивать окружающую действительность, квалифицировать обстоятельства, к самообучению и самоорганизации, к совершению юридически значимых действий адаптивность – вот аргументы сторонников этого подхода [8, с. 47].

Мы не согласны с позицией этой группы авторов, так как ИИ не является ни физическим лицом, ни фикционным образованием, его правовой статус носит производный характер от конкретного гражданина или организации.

В н.в. его правосубъектность неестественна, он не достиг должного уровня развития, то есть нет оснований для признания его субъектом права. Он не может быть признан правосубъектным из-за отсутствия в действующем законодательстве Российской Федерации необходимых для этого юридических фактов. ИИ не обладает волевыми качествами, не видит морально-нравственного подтекста той или иной ситуации, а также не может приспосабливаться к изменяющейся внешней среде, так как это когнитивные свойства исключительно человеческой психики.

Вторая позиция, к тому же наиболее распространенная, сводится к тому, что ИИ – вспомогательный инструмент в руках классических субъектов права.

У ИИ отсутствуют такие человеческие качества, как сознание, чувства, совесть, эмоции и

воля. Он не способен выступать членом общества [9, с. 113], у него нет эмоционально-волевой сферы, вменяемости, осознанности фактического характера и общественной опасности действий, а также произвольной регуляции поведения. По аналогии возможно, правда, приравнять статус ИИ к животному [10, с. 39-49].

Все же мы считаем, что ИИ не стоит приравнивать по правовому статусу, так как у него нет нервной системы и высшей нервной деятельности, то есть он не способен испытывать боль, а значит нет необходимости гуманного обращения с ним.

Эта группа авторов пишет, что даже при дальнейшем развитии ИИ его не обязательно наделять статусом субъекта права. ИИ является средством технической обработки информации, комплексом технических решений. Его социальное предназначение состоит в улучшении качества жизни, повышении эффективности государственного и муниципального управления, улучшении условий жизни общества и его отдельных членов, экономики и правопорядка [11, с. 52]. Бесспорно, отсутствует и не может быть создана концепция его юридической ответственности.

В целом, мы разделяем позицию этой группы авторов, так как в н.в. уровень развития ИИ сильно преувеличен, он не обладает необходимыми качествами для признания его правосубъектным, но у него имеются предпосылки в будущем, по мере развития, быть признанным субъектом права: юридическая воля (автономность и способность к самостоятельным решениям).

Третья позиция сводится к тому, что возможно наделить ИИ отдельными правами, так как не представляется возможным признания за ним творческого начала, но только способность к простым действиям и задачам [12, с. 5]. ИИ может выступать и как участник производственно-экономических отношений, и как объект – вот чем часть авторов обосновывает правосубъектность ИИ [13, pp. 132-141]. Мы считаем, что эта позиция имеет под собой основания, так как в некоторых случаях, действительно, разумно признать за ИИ отдельные права или обязанности, в целом же считая его объектом права.

Например, имеется проблема признания за ИИ прав на созданные им объекты интеллектуальной собственности, которая в различных государствах решается по-разному. Анализ литературы

показывает, что в мировом сообществе сложилось два подхода к решению этой проблемы: американский (полное отрицание результатов интеллектуальной деятельности и интеллектуальных прав ИИ) и континентальный (полное или частичное признание результатов интеллектуальной деятельности и интеллектуальных прав ИИ). В Российской Федерации ИИ не признается автором результатов интеллектуальной деятельности и субъектом интеллектуальных прав, так как им может быть только физическое лицо, создавшее его собственным творческим трудом, объекты, созданные ИИ принадлежат тем, кто использовал ИИ как вспомогательный инструмент. Выдвигается идея признания результатов интеллектуальной деятельности общественным достоянием [1, с. 399-405], но мы ее не поддерживаем, так как ИИ все-таки должен быть объектом права, а результаты его использования должны порождать права отдельных физических и юридических лиц, например, для экономического стимулирования создания объектов интеллектуальной собственности.

С нашей точки зрения, только имущественной может быть ответственность ИИ, так как в силу его правовой природы санкции личного характера лишены всякого смысла, так как он не способен испытывать отрицательные эмоции, то есть возможна только вмененная деликтоспособность [14, с. 74-77]. Она у него вообще отсутствует в связи с тем, что для нее недостаточно имитации когнитивных процессов [15, р. 155]. Отсутствует ее волевой компонент, которые в н.в. не может быть выполнен. Возникает проблема субъекта юридической ответственности ИИ. Мы считаем, что ее можно решить, возложив

ответственность на создателей, операторов или возможных конечных пользователей ИИ. Ответственность несут и должны нести только устоявшиеся субъекта права.

Но не стоит и умалять перспективы развития ИИ: чем самостоятельнее будет ИИ, тем шире следует применять к нему понятие ответственности в плоть до возложения на него полной индивидуальной ответственности за причиненный личности или имуществу вред.

В качестве заключения стоит отметить, что осмысление ИИ, в том числе, его правового статуса длится как минимум с середины XX века, продолжается по н.в. и, бесспорно, продлится еще долгие годы. ИИ достиг высокого уровня, но, все же, еще не достиг уровня субъекта права, но уже стоит вопрос о наделении его той или иной степени правосубъектности, в том числе, в ближайшем будущем. Решение вопроса будет зависеть, прежде всего, от степени развития его автономности. Мы уверены, что ИИ в настоящее время является только объектом права, так как его нельзя отождествить с физическим лицом, его правосубъектность неестественна, конструкция юридического лица также не до конца применима, разум человека превосходит ИИ, он не социализирован, у него отсутствуют необходимые когнитивные способности, его необходимо наделить статусом вещи или имущества. Ответственность за вред, причиненный ИИ, на данном этапе развития должны нести только его создатели или пользователи. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, должны принадлежать лицам, использовавшим его в качестве вспомогательного инструмента при их создании.

Список литературы:

- [1] Трофимов П.В. Правосубъектность искусственного интеллекта в интеллектуальном праве // Скиф. – 2024. – № 4 (92). – С. 401-402.
- [2] Болотаева О.С. Правосубъектность искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (208). – С. 15.
- [3] Данилов Ю. Д. Некоторые размышления о правосубъектности искусственного интеллекта // Скиф. – 2021. – № 10 (62). – С. 102.
- [4] Торлов Л.О. О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 145.
- [5] Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine, 1983. – Vol. 4, № .2. – P. 5. (in French).
- [6] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – № 2. – 2019. – С. 88-89.
- [7] Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф.В. Ужов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 358.

-
- [8] Душкин Р.В. Искусственный интеллект. – М.: ДМК Пресс. – 2019. – С. 47.
- [9] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., – 2018. – С. 113.
- [10] Бирюков П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39–49
- [11] Перькова В. В. Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта // Закон и власть. – 2023. – № 2. – С. 52.
- [12] Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности / Вопросы российской юстиции. – 2020. – №10. – С. 5.
- [13] Radutniy O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of legality. – 2017. – No 138. – Pp. 132-141.(in English)
- [14] Морхарт П.М. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 8 (164). – С. 74-77.
- [15] Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – Vol. 25. – № 2. – P. 155. (in English).

Spisok literatury:

- [1] Trofimov P.V. Pravosub`ektnost' iskusstvennogo intellekta v intellektual'nom prave // Skif. – 2024. – № 4 (92). – S. 401-402.
- [2] Bolotaeva O.S. Pravosub`ektnost' iskusstvennogo intellekta // Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika. – 2022. – № 4 (208). – S. 15.
- [3] Danilov Iu. D. Nekotorye razmyshleniia o Pravosub`ektnosti iskusstvennogo intellekta // Skif. – 2021. – № 10 (62). – S. 102.
- [4] Torlov L.O. O Pravosub`ektnosti iskusstvennogo intellekta // Pravo i upravlenie. – 2023. – № 6. – S. 145.
- [5] Marshall, Willick S. Artificial intelligence: Some legal approaches and implications // AI Magazine, 1983. – Vol. 4, № .2. – P. 5. (in French).
- [6] Laptev V.A. Poniatie iskusstvennogo intellekta i iuridicheskaiia otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – № 2. – 2019. – S. 88-89.
- [7] Uzhov F.V. Iskusstvennyi intellekt kak sub`ekt prava / F.V. Uzhov // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 3. – S. 358.
- [8] Dushkin R.V. Iskusstvennyi intellekt. – М.: ДМК Press. – 2019. – С. 47.
- [9] Morkhat P.M. Pravosub`ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra iurid. nauk. М., – 2018. – С. 113.
- [10] Biriukov P.N. Otvetstvennost' za vred, prichinennyi tekhnologiiami s iskusstvennym intellektom: podkhod Evropeiskogo soiuza // Territoriia novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39–49
- [11] Per`kova V. V. Problema Pravosub`ektnosti nositelei iskusstvennogo intellekta // Zakon i vlast'. – 2023. – № 2. – S. 52.
- [12] Pisarenko M.S. K voprosu ob iskusstvennom intellekte i ego sushchnosti / Voprosy rossiiskoi iustitsii. – 2020. – №10. – S. 5.
- [13] Radutniy O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of legality. – 2017. – No 138. – Pp. 132-141.(in English)
- [14] Morkhart P.M. Kontsept individual'nogo sub`ekta prava primenitel'no k elektronnomu litsu (Pravosub`ektnosti' iunita iskusstvennogo intellekta, korreliiruemaia (sootnosimaia, sopostavimaia) s pravosub`ektnost'iu cheloveka) // Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika. – 2018. – № 8 (164). – S. 74-77.
- [15] Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – Vol. 25. – № 2. – P. 155. (in English).

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

ЗАКИМАТОВ Михаил Андреевич,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий

управления и экономики г. Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: zakimатов.misha595@ya.ru

Научный руководитель:

САЧЕНКО Алексей Леонидович,

к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета

технологий управления и экономики г. Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ДОГОВОРЫ О РАСПОРЯЖЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В научной статье анализируется трансформация законодательства Российской Федерации по распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Целью исследования является изучение правовых норм, регулирующих интеллектуальную собственность, в том числе необходимо определить влияние исторического развития Российской Федерации на законодательство. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:*

Провести исторический анализ развития правового регулирования в данной области права, и изучить правовое регулирование договоров о распоряжении исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности в разные периоды развития Российского государства. Одним из выводов проведенного исследования стало, что с принятием части четвертой гражданского кодекса Российской Федерации право интеллектуальной собственности приобрело системный характер, законодатель достаточно точно определил дефиниции лицензионного договора и договора на отчуждение исключительных прав.

Ключевые слова: *история законодательства, распоряжение исключительным правом, авторское право, объекты интеллектуальной собственности, лицензионный договор, издательский договор.*

ZAKIMATOV Mikhail Andreevich,

Postgraduate student of St. Petersburg University technologies of management and economy St. Petersburg,

Russia

Supervisor:

SACHENKO Alexey Leonidovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process St. Petersburg University

technologies of management and economy St. Petersburg, Russia

CONTRACTS ON DISPOSAL OF EXCLUSIVE RIGHTS TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Annotation. *The scientific article analyses the transformation of the legislation of the Russian Federation on the disposal of exclusive rights to the results of intellectual activity and means of individualization. The purpose of the research is to study the legal norms regulating intellectual property, including the need to determine the impact of the historical development of the Russian Federation on the legislation. To achieve the goal, the following tasks are formed:*

To conduct a historical analysis of the development of legal regulation in this area of law, and to study the legal regulation of agreements on the disposal of exclusive rights to intellectual property objects in different

periods of development of the Russian state. One of the conclusions of the conducted research was that with the adoption of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation the intellectual property right has acquired a systemic character, the legislator has defined the definitions of the license agreement and the agreement on the disposal of exclusive rights quite precisely.

Key words: *legislative history, disposal of exclusive rights, copyright, intellectual property objects, license agreement, publishing agreement.*

Интеллектуальная собственность как результат творческой деятельности человека создавалась на протяжении всей эволюции человечества. Сначала создавались самые примитивные результаты интеллектуальной деятельности такие как произведения живописи, рассказы, песни, скульптуры, до самых сложных трудновоспроизводимых, например, программы для ЭВМ, секреты производства, базы данных, полезные модели, топологии интегральных микросхем.

Первые основы правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в мире появились более 500 лет назад, а в российской истории около 200 лет назад.

В свою очередь, очень долгое время результаты интеллектуальной деятельности (живопись, музыкальные произведения, произведения писателей) никак не защищались государством. Лишь в XV–XVI веках начала формироваться система преимуществ, которая «наделяла такое лицо «исключительным правом» осуществлять какую-то деятельность, одновременно устанавливая запрет на совершение аналогичных действий всем иным лицам» [12, с. 120].

В истории российской государственности защита прав авторов и активное развитие норм в сфере интеллектуальной собственности началось лишь только в XIX веке. Так, В. Д. Спасович в свое время указывал, что российское законодательство до XIX века учитывало только лишь интересы издательства, ученых корпораций, академии наук. И после XIX века стали защищаться авторские, издательские права частных лиц [13, с. 13].

В период правления Николая I в Российской империи был принят Цензурного устава 1828 года, который не только устанавливал цензуру в отношении сочинений, произведений, но и регулировать отношения по обороту некоторых результатов интеллектуальной деятельности. Так, например, автор книги или её переводчик на протяжении всей его жизни имеет исключительное

право пользоваться данным произведением как имуществом [1]. Данная норма закрепляла возможность автора литературного произведения извлекать материальную выгоду от своего произведения. Именно тогда появились первые нормы, регулирующие оборот объектов интеллектуальной собственности.

Правовые нормы того времени в той или иной степени уже позволяли авторам распоряжаться своим результатом интеллектуальной деятельности. Несмотря на то что правовые нормы XIX века еще далеки от того правового смысла, который имеется в современных нормах, некоторые доктринальные выводы российских правоведов сыграли важную роль при дальнейшем развитии законодательства.

Например, Г. Ф. Шершеневич в авторское право не включал личные имущественные права, именно поэтому правовед допускал возможность отчуждения исключительных прав [16, с. 67]. Именно взгляды Г. Ф. Шершеневича сыграли огромную роль в становлении права об интеллектуальной собственности.

Правовые нормы, посвящённые лицензионному договору и договору на отчуждение исключительных прав, являются относительно новыми для гражданского права. Первыми договорами, регулирующим гражданский оборот произведений являются договор отчуждения авторских прав и издательский договор.

Первые упоминания об издательском договоре можно встретить в законодательных актах царского времени, а именно в законе 1911 года «Об авторском праве» [11]. Кроме того, устанавливалось регулирование отдельных произведений интеллектуальной собственности, а также ограничивалось отчуждение будущих произведений автора 5 годами, то есть отчуждение произведений приобрело срочный характер.

В соответствии с издательским договором издатель обязан был осуществить издание произведения автора, в оговоренных объемах и в определенный срок.

Г. Ф. Шершеневич под издательским

договором понимал «соглашение между издателем и автором, в силу которого первый приобретает право и принимает на себя обязательство размножить и распространить за свой счет литературное, художественное или музыкальное произведение второго» [17, с. 224].

По данному договору осуществлялось распространение произведения автора в обществе, но за счет издателя. Автор получал вознаграждение, а издатель же в этой договорной конструкции имел свой коммерческий интерес, извлечь прибыль от распространения произведений автора.

Отдельно стоит отметить, что автор имел право заключить аналогичный договор с другими издателями, но только после того, как первое уступленное издание было распродано издателем.

Вышеупомянутый закон также содержал в себе упоминание об иных договорах, регулирующих гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности, например, договор об уступке права на издание или о предоставлении права перевода. При этом каких-либо правовых норм, детально регулирующих данные договоры, закон не содержал.

Именно данный акт, на мой взгляд, следует считать отправной точкой в формировании лицензионного договора в его современном понимании, так как в современных нормах регулируются положения издательского лицензионного договора.

После распада Российской Империи и прихода советской власти все прежние законодательные акты стали отменяться, а вместо них стали принимать новые, которые соответствовали новой государственной политике. В советский период контроль над распространением результатов интеллектуальной деятельности возрос, так как через музыкальные, литературные и иные произведения власть активно распространяла идеологию советской власти.

Законодательная политика государства в области интеллектуальной собственности изменилась с приходом к власти советов. Так, одним из важных актов в этой сфере стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства» [3].

Таким образом, советская власть стала

полностью контролировать деятельность всех издателей в стране. Тем самым осуществлялась защита прав авторов.

Народный Комиссариат Просвещения был наделен полномочиями по признанию любого опубликованного или неопубликованного научного, литературного, музыкального или художественного произведения государственным достоянием РСФСР. Огромная роль отводилась Народному Комиссариату Просвещения, который санкционировал распространение произведений, объявленных народным достоянием. А вот произведения, не являющиеся народным достоянием, могли быть распространены только лишь по соглашению с автором [2].

Существовавшего правового регулирования было недостаточно, именно поэтому уже в 1925 году был принят следующий законодательный акт. Авторское право действует на произведения как появившееся в свет на территории Союза ССР, так и находящееся на территории Союза ССР в любой объективной форме, признается за автором и его правопреемниками независимо от их гражданства [4].

В соответствии с пунктом 12 данного акта авторское право в части или в целом может быть отчуждено по издательскому договору или иным законным способом, причем характер использования авторского права должен быть определен в точности договором.

С 1929 года все отношения по авторскому праву стали регулироваться по-новому в соответствии с Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 08.10.1928 «Об авторском праве» [5].

В качестве важного уточнения следует сказать, что издательский договор должен был содержать тираж издания, срок выпуска произведений, размер авторского вознаграждения и срок действия договора. Взаимодействие сторон по издательскому договору ограничилось четырьмя годами. А переиздание произведения осуществлялось только с согласия автора. Минимальный размер вознаграждения автора за отчуждение в пользу издательства не мог быть ниже ставок, установленных СНК РСФСР.

К существенным условиям постановочного договора следует отнести: территорию действия, размер вознаграждения автора, количество таких публичных исполнений, срок действия договора

и срок первого публичного исполнения. Таким образом, можно заявить, что издательских договор также, как и постановочный договор регулировал гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности.

Исследование и проведение сравнительного анализа законодательных актов об авторском праве позволяет прийти к выводу о том, что издательский договор является прообразом существующего лицензионного договора.

Важно отметить, что в статье 503 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года упоминалось об авторском лицензионном договоре и авторском договоре о передаче произведения для использования [6].

Авторский лицензионный договор закреплял также право использования произведения путем его перевода или переделки, в обусловленных договором пределах.

Примечательной нормой Гражданского кодекса РСФСР стало введение термина «лицензионный договор».

Стоит обратить внимание, что авторский лицензионный договор и авторский договор о передаче произведения для использования не имели существенного отличия, так как их предмет практически совпадал. Следует отметить, что авторский договор о передаче использования произведения мог предусматривать создание результата интеллектуальной деятельности и последующее его использования. В связи с этим О. С. Иоффе верно классифицировал авторские договоры на авторские договоры на использование готового произведения и договоры заказа [14, с. 40].

Кроме того, законодательство теперь подразделяло данный договор еще на 6 видов, при этом какого-либо отличия в правовом регулировании данных видов договоров законодательство не содержало.

Отличительной чертой правового регулирования авторского договора является статья 506 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, в которой устанавливалось, что условия заключенного с автором договора, ухудшающие его положение, недействительны. Таким образом, государство регулировало отношения по предоставлению права использования произведений авторов в большей степени, защищая права автора.

Следующие и последние изменения

правовых норм об авторском договоре в законодательстве СССР произошли с принятием Основ гражданского законодательства от 31 мая 1991 года [7]. Как следует из правовых норм, законодатель на данном этапе не привносит существенных изменений в правовое регулирование отношений по предоставлению права использования произведений. При этом важно заметить, что законодатель вновь отходит от термина «лицензионный договор», возвращаясь к термину авторский договор.

Существенные изменения правового регулирования в данной области произошли в 1993 году в связи с принятием Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1 [8]. Передача имущественных прав осуществлялась на основе авторского договора о передаче исключительных прав или на основе авторского договора о передаче неисключительных прав.

Указанные договорные конструкции предоставляют право использования произведений другим лицам, получившим разрешение на использования произведения. Законодатель и на данном этапе становления правовых норм не использует термин «лицензионный договор», при этом важно отметить, что по своей правовой сути авторские договоры о передаче исключительных и неисключительных прав все больше и больше напоминают лицензионный договор в современном его проявлении.

Лицензионный договор и договор на отчуждение исключительных прав приобрел свой современный облик в 2008 году, когда вступила в свое действие часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации.

В статье 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится дефиниция лицензионного договора, которая не была выработана законодатель вновь. Законодатель использовал схожую дефиницию при регулировании предоставления права использования изобретений, полезной модели и промышленного образца.

Очень схожая в правовом смысле дефиниция лицензионного договора уже содержалась в законодательстве Российской Федерации [9]. Однако, данная дефиниция относилась только к изобретению, полезной модели, промышленному образцу. В современной норме право использования исключительных прав было распространено на все

объекты интеллектуальной деятельности.

Анализируя современную дефиницию договора об отчуждении исключительных прав стоит отметить, что отчуждение исключительных прав носило бессрочный характер. Исключительное право на произведение отчуждается приобретало в полном объеме и навсегда.

Существующее правовое регулирование в данной области является достаточно прогрессивным в своем развитии. Законодательство в области предоставления и отчуждения исключительных прав имеет относительно небольшую историю по сравнению с другими институтами гражданского права, данные нормы права достаточно часто претерпевали и продолжают претерпевать изменения.

Кроме того, после принятия части четвертой ГК РФ дефиниции рассматриваемых договорных конструкций изменений не претерпевали. За данный период вносились лишь точечные изменения и дополнения в данную область права, вызванные экономическими, технологическими и социальными изменениями.

В результате проведенного исторического и правового анализа процесса изменения правовых норм, посвященных лицензионному договору и договору на отчуждение исключительных прав,

следует указать, что история возникновения данного договора началась еще в эпоху Российской Империи, а именно сформировался прообраз данных договоров, определен перечень прав и обязанностей сторон, и гражданско-правовая ответственность сторон за несоблюдение условий договора.

В эпоху СССР правовая конструкция и значение данного договора подверглось существенному изменению, обусловленному новой государственной политикой.

В период Российской Федерации правовые нормы в данной области имеют достаточно устойчивое положение, при этом законодатель стремится усовершенствовать правовое регулирование данных отношений. С принятием части четвертой ГК РФ законодательство об интеллектуальной собственности приобрело системный и в целом статичный характер. Дефиниции договоров о распоряжении исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности на протяжении всего времени и по настоящее время не изменялись, а лишь вносились точечные изменения и дополнения в данную область права, вызванные экономическими, технологическими и социальными изменениями.

Список литературы:

- [1] Цензурный устав 1828 года (утратил силу) // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3 (1828). № 1979 С. 459.
- [2] Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918 (утратил силу) // Известия Всероссийского Исполнительного комитета Советов № 263 от 01.12.1918.
- [3] Декрет СНК РСФСР от 10.10.1919 «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства» (утратил силу) // Известия ВЦИК. № 229. 14.10.1919.
- [4] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925 «Об основах авторского права» (утратил силу) // СЗ СССР. 1925. № 7. Ст. 67.
- [5] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.10.1928 «Об авторском праве» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861.
- [6] Гражданский кодекс РСФСР (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, Ст. 407.
- [7] Основы Гражданского Законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (утратил силу) // Ведомости ВС СССР от 26 июня 1991 г., № 26, ст. 733.
- [8] Закон Российской Федерации от 9 июля 1993 года № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1242.
- [9] Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 года № 3517-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 42. – Ст. 2319.

[10] Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25.12.2006 № 52 (часть I) ст. 5496

[11] Закон от 20 марта 1911 года «Об авторском праве» (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1911. – № 61.

[12] Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

[13] Спасович В.Д. Права авторские и контрафакция. СПб., 1865. С. 13.

[14] Иоффе О. С. Основы авторского права: авторское право, изобретательское право, право на открытие. Знание. Москва. 1969. – 127 с.

[15] Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань. 1891. – 317 с.

[16] Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права: учебник для вузов / Г. Ф. Шершеневич; составитель В. А. Белов. — Москва: Издательство Юрайт. 2024. – 303 с.

Spisok literatury:

[1] Tsenzurnyi ustav 1828 goda (utratal silu) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. SPb., 1830. T. 3 (1828). № 1979 S. 459.

[2] Dekret SNK SRSFSR ot 26.11.1918 (utratal silu) // Izvestiia Vserossiiskogo Iсполnitel'nogo komiteta Sovetov № 263 ot 01.12.1918.

[3] Dekret SNK RSFSR ot 10.10.1919 «O prekrashchenii sily dogovorov na priobretenie v polnuiu sobstvennost' proizvedenii literatury i iskusstva» (utratal silu) // Izvestiia VTsIK. № 229. 14.10.1919.

[4] Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 30.01.1925 «Ob osnovakh avtorskogo prava» (utratal silu) // SZ SSSR. 1925. № 7. St. 67.

[5] Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 08.10.1928 «Ob avtorskom prave» (utratal silu) // SU RSFSR. 1928. № 132. St. 861.

[6] Grazhdanskii kodeks RSFSR (utratal silu) // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24, St. 407.

[7] Osnovy Grazhdanskogo Zakonodatel'stvo Soiuza SSR i respublik (utv. VS SSSR 31 maia 1991 g. № 2211-I) (utratal silu) // Vedomosti VS SSSR ot 26 iyunia 1991 g., № 26, st. 733.

[8] Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 9 iul'ia 1993 goda № 5351-1 «Ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh» (utratal silu) // Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiiskoi Federatsii. – 1993. – № 32. – St. 1242.

[9] Patentnyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 23 sentiabria 1992 goda № 3517-1 (utratal silu) // Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiiskoi Federatsii. – 1992. – № 42. – St. 2319.

[10] Chast' chetvertaia Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2006 №230-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 25.12.2006 № 52 (chast' I) st. 5496

[11] Zakon ot 20 marta 1911 goda «Ob avtorskom prave» (utratal silu) // Sobranie uzakonenii i rasporiashchenii pravitel'stva. – 1911. – № 61.

[12] Pravo intellektual'noi sobstvennosti. T. 1. Obshchie polozheniia: Uchebnik / Pod obshch. red. d.iu.n., prof. L. A. Novoselovoi. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

[13] Spasovich V.D. Prava avtorskie i kontrafaktsiia. SPb., 1865. S. 13.

[14] Ioffe O. S. Osnovy avtorskogo prava: avtorskoe pravo, izobretatel'skoe pravo, pravo na otkrytie. Znanie. Moskva. 1969. – 127 с.

[15] Shershenevich G. F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniia. Kazan'. 1891. – 317 с.

[16] Shershenevich G. F. Uchebnik torgovogo prava: uchebnik dlia vuzov / G. F. Shershenevich; sostavitel' V. A. Belov. — Moskva: Izdatel'stvo Iurait. 2024. – 303 с.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

ГРУДЦИНА Людмила Юрьевна,

*доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: ludmilagr@mail.ru*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В США

Аннотация. *Статья посвящена исследованию электронного правосудия в США, акцентируя внимание на правовом регулировании и технологических аспектах цифровизации судебной системы. Рассматриваются законодательные акты различных штатов, их влияние на единообразие судебной практики, а также технические решения, способствующие переходу к электронным формам судопроизводства. Анализируется международный опыт, в частности, практика использования роботов-судей в Европе, и оцениваются перспективы их внедрения в США. Обсуждаются возможные последствия для прав и свобод граждан, а также для развития демократии. В заключении подводятся итоги исследования и предлагаются направления для будущих исследований.*

Ключевые слова: *электронное правосудие, цифровизация, США, правовое регулирование, роботы-судьи, права и свободы граждан, судебная система.*

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Academy of Intellectual Property”, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

ELECTRONIC JUSTICE IN THE UNITED STATES

Annotation. *The article explores e-justice in the USA, focusing on the legal regulation and technological aspects of the digitalization of the judicial system. It examines the legislative acts of various states, their impact on the uniformity of judicial practice, and the technical solutions facilitating the transition to electronic forms of legal proceedings. The international experience, particularly the practice of using robot judges in Europe, is analyzed, and the prospects for their implementation in the USA are assessed. The potential implications for citizens' rights and freedoms, as well as for the development of democracy, are discussed. The conclusion summarizes the research findings and suggests directions for future studies.*

Key words: *e-justice, digitalization, USA, legal regulation, robot judges, citizens' rights and freedoms, judicial system.*

Электронное правосудие в США представляет собой актуальную и значимую тему для научного исследования, поскольку цифровизация судебной системы может существенно повысить эффективность и доступность правосудия. В условиях стремительного развития технологий переход к электронным формам судопроизводства становится необходимым для обеспечения оперативности и прозрачности судебных процессов. Как отмечает Т. Б. Липатова, «цифровизация охватывает практически все сферы общественной жизни, при этом появление новых технологий требует соответствующего правового регулирования» [3, с. 102].

Существуют определенные противоречия,

связанные с внедрением электронного правосудия. Во-первых, необходимо обеспечить соблюдение прав и свобод граждан при использовании технологий, что требует тщательной проверки и корректировки алгоритмов, как подчеркивает И. М. Сидельник [4, с. 118]. Во-вторых, важен баланс между эффективностью и безопасностью данных, что требует разработки надежных механизмов защиты информации. В-третьих, различия в законодательстве штатов США по вопросам цифровизации создают вызовы для единообразия судебной практики.

Проблема, решаемая в данной научной работе, заключается в разработке правовых механизмов, обеспечивающих эффективное и

безопасное функционирование электронного правосудия. Исследование правовых аспектов цифровизации и их влияния на права и свободы граждан имеет значительное влияние на научную область. Практическое значение заключается в возможности улучшения работы судебной системы и повышения доверия к ней.

Существующая степень научной разработанности темы включает работы таких ученых, как А.А. Собенин, который акцентирует внимание на системах управления делами и открытого доступа к судебным материалам [5, с. 159], и О. В. Брянцева, подчеркивающая значимость информационных технологий для оптимизации судебных процессов [1, с. 37]. Эти исследования формируют основу для дальнейшего изучения и развития электронного правосудия в США.

Методология исследования электронного правосудия в США включает в себя анализ правовых и технических аспектов, а также изучение международного опыта. Важным элементом является рассмотрение правового регулирования цифровизации судебных процессов, что позволяет оценить влияние на права человека и гражданина. Исследователи, сосредоточенные на технических аспектах, изучают внедрение электронных систем, таких как Case Management Electronic Case Files (CMECF) и Public Access to Court Electronic Records (PACER). Эти системы обеспечивают электронную регистрацию и доступ к судебным материалам, что значительно упрощает процесс судопроизводства. Как отмечает А. А. Собенин, «в США на федеральном уровне действуют две такие системы: Управление делами электронный архив дел Case Management Electronic Case Files CMECF и Открытый электронный доступ к судебным материалам Public Access to Court Electronic Records PACER» [5, с. 159].

Кроме того, исследователи анализируют международный опыт и возможности его адаптации в США. Европейская практика использования роботов-судей, например, вызывает интерес с точки зрения соблюдения прав и свобод человека. Важным аспектом является обеспечение безопасности данных и защита прав граждан в условиях цифровизации. Между различными группами исследователей существуют как точки соприкосновения, так и разногласия, касающиеся подходов к этим вопросам. Таким образом, методология исследования электронного

правосудия в США представляет собой комплексный подход, включающий правовые, технические и международные аспекты.

Электронное правосудие в США представляет собой сложную систему, регулируемую на федеральном и штатном уровнях. Основные законодательные акты, касающиеся цифровизации правосудия, включают в себя такие системы, как Case Management Electronic Case Files (CMECF) и Public Access to Court Electronic Records (PACER). Эти системы обеспечивают электронную регистрацию и управление делами, а также открытый доступ к судебным материалам [5, с. 159].

Различия в подходах к электронному судопроизводству между штатами США обусловлены разнообразием правовых традиций и уровнем технологической готовности. Например, в некоторых штатах акцент делается на интеграцию электронных систем с существующими правовыми процессами, в то время как другие штаты стремятся к полной цифровизации всех этапов судопроизводства. Это разнообразие подходов может влиять на единообразие судебной практики, создавая определенные вызовы для правоприменения.

Важным аспектом является то, что электронное правосудие способствует повышению доступности и прозрачности судебных процессов. Как отмечает Т.Б. Липатова, «электронное правосудие решает проблему доступности правосудия, обеспечивает дополнительную гласность судопроизводства и значительно экономит денежные средства участников процесса» [3, с. 106]. Это подчеркивает значимость цифровизации для развития демократических институтов и защиты прав граждан.

Таким образом, правовое регулирование электронного правосудия в США представляет собой динамичную область, требующую постоянного обновления и адаптации к новым технологическим вызовам. Внедрение и развитие электронных систем судопроизводства продолжают оказывать значительное влияние на правовую систему страны, способствуя ее модернизации и повышению эффективности.

Технологические аспекты перехода к электронным формам судопроизводства в США представляют собой важный элемент модернизации правовой системы. Одним из ключевых технических

решений является внедрение системы Case Management Electronic Case Files (СМЕСF), которая позволяет осуществлять электронную регистрацию и ведение дел. Эта система функционирует как автоматизированный служащий суда, обеспечивая онлайн-доступ к судебным документам и заявлениям [2, с. 588].

Система Public Access to Court Electronic Records (РАСЕР) также играет значительную роль в обеспечении открытого доступа к судебным материалам. Она предоставляет пользователям возможность получать сведения о судебных делах и изучать материалы из федеральных судов [2, с. 588]. Эти системы не только упрощают доступ к правосудию, но и способствуют повышению прозрачности судебных процессов.

Применение информационных технологий в судопроизводстве позволяет оптимально организовать судебный процесс и, как следствие, повысить эффективность правосудия. Как отмечает О.В. Брянцева, «применение информационных технологий позволяет оптимально организовать судебный процесс и, как следствие, повысить эффективность правосудия» [1, с. 37]. Это подчеркивает значимость технологических инноваций для развития правовой системы. Таким образом, внедрение электронных систем в судебные процессы США способствует не только повышению эффективности, но и укреплению демократических институтов, обеспечивая более широкий доступ граждан к правосудию и облегчая процедуры разрешения споров.

В последние годы в Европе наблюдается активное внедрение роботов-судей, что вызывает значительный интерес в контексте их возможного применения в США. Европейская практика демонстрирует, что использование искусственного интеллекта в судебных процессах может значительно ускорить рассмотрение дел и снизить нагрузку на судей. Однако, несмотря на очевидные преимущества, такие как повышение эффективности и снижение затрат, существуют и определенные риски, связанные с соблюдением прав и свобод граждан.

Одним из ключевых аспектов является обеспечение справедливости и беспристрастности решений, принимаемых роботами-судьями. Важно учитывать, что алгоритмы, на которых основаны эти системы, могут содержать предвзятости, что может привести к дискриминации определенных групп

населения. Как отмечает И.М. Сидельник, «при этом на правовые презумпции оказывают влияние и современные условия: развитие электронного правосудия, внимание к медиативным соглашениям и др.» [4, с. 118]. Это подчеркивает необходимость тщательной проверки и корректировки алгоритмов, чтобы избежать подобных проблем.

Перспективы внедрения роботов-судей в США зависят от множества факторов, включая правовое регулирование, технологическую готовность и общественное восприятие. Важно, чтобы такие системы были интегрированы с учетом американских правовых традиций и стандартов. Внедрение роботов-судей может способствовать развитию демократии, обеспечивая более широкий доступ к правосудию и повышая прозрачность судебных процессов. Однако для этого необходимо разработать четкие механизмы контроля и ответственности, чтобы гарантировать защиту прав граждан и соблюдение принципов справедливости.

Исследование электронного правосудия в США выявило значительные достижения в области цифровизации судебных процессов, что способствует повышению их доступности и прозрачности. Вклад авторов, таких как А.А. Собенин и Т.Б. Липатова, заключается в детальном анализе систем Case Management Electronic Case Files (СМЕСF) и Public Access to Court Electronic Records (РАСЕР), которые обеспечивают электронную регистрацию и управление делами, а также открытый доступ к судебным материалам. Эти системы играют ключевую роль в модернизации правовой системы США, способствуя более эффективному и прозрачному правосудию.

Значимость полученных результатов заключается в том, что они подчеркивают важность интеграции информационных технологий в судебные процессы для укрепления демократических институтов и защиты прав граждан. Как отмечает О. В. Брянцева, применение информационных технологий позволяет оптимально организовать судебный процесс и повысить его эффективность. Это подтверждает необходимость дальнейшего развития электронного правосудия в условиях стремительного технологического прогресса.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочных последствий цифровизации для прав и свобод граждан, а также на оценку рисков, связанных с внедрением

роботов-судей. Важно также рассмотреть вопросы правового регулирования и общественного восприятия таких инноваций, чтобы обеспечить справедливость и беспристрастность судебных

решений. Разработка четких механизмов контроля и ответственности станет ключевым фактором для успешной интеграции новых технологий в правовую систему США.

Список литературы:

[1] Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник ПАГС. 2019. №6. С. 36-47.

[2] Гарипов Т.И., Моругина Н.А. Анализ зарубежного опыта применения электронного уголовного дела в процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. №4 (46). С. 585-594.

[3] Липатова Татьяна Борисовна Реализация принципов гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия // Вестник СГЮА. 2022. №4 (147). С. 100-107.

[4] Сидельник И.М. Зарубежный опыт использования процессуальных презумпций // Теория и практика общественного развития. 2018. №7. С. 118-121.

[5] Собенин А. А. Комплексные информационные системы уголовной юстиции США // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С. 158-166.

Spisok literatury:

[1] Bryanceva O. V., Soldatkina O. L. Sravnitel'nyj analiz zarubezhnyh sistem elektronnoho pravosudiva // Vestnik PAGES. 2019. №6. S. 36-47.

[2] Garipov T.I., Morugina N.A. Analiz zarubezhnogo opyta primeneniya elektronnoho ugovnogo dela v processual'noj deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. №4 (46). S. 585-594.

[3] Lipatova Tat'yana Borisovna Realizaciya principov grazhdanskogo processual'nogo prava v ramkah elektronnoho pravosudiva // Vestnik SGYuA. 2022. №4 (147). S. 100-107.

[4] Sidel'nik I.M. Zarubezhnyj opyt ispol'zovaniya processual'nyh prezumpcij // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2018. №7. S. 118-121.

[5] Sobenin A. A. Kompleksnyye informacionnyye sistemy ugovnoy yusticii SShA // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2020. №10 (74). S. 158-166.

Юрическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРИХОДЬКО Артем Евгеньевич,

*Студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
e-mail: Prikho05@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу процессуального статуса прокурора, как участника уголовного судопроизводства. Рассмотрены дискуссионные точки зрения в части полномочий прокурора на досудебной стадии. Автор полагает, что практика прокурорского надзора сопряжена с многочисленными проблемами, которые нуждаются в разрешении.*

Ключевые слова: *прокуратура, предварительное расследование, возбуждение уголовного дела, функция, процессуальный статус, стадия, постановление.*

PRIKHODKO Artem Evgenievich,

*Student of the St. Petersburg of a law institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the
Russian Federation*

FEATURES OF THE PROCEDURAL STATUS PROSECUTOR AT THE PRE-TRIAL STAGE CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the procedural status of the prosecutor as a participant in criminal proceedings. Debatable points of view regarding the powers of the prosecutor at the pre-trial stage are considered. The author believes that the practice of prosecutorial supervision is associated with numerous problems that need to be resolved.*

Key words: *prosecutor's office, preliminary investigation, initiation of a criminal case, function, procedural status, stage, resolution.*

В соответствии со ст. 1 Закона о прокуратуре прокуратура РФ (далее - Закон о прокуратуре) - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции [1].

Достаточно актуальным и дискуссионным в науке является вопрос о функциях прокурора в досудебном производстве. Все это обуславливает необходимость теоретического осмысления процессуальной деятельности прокурора, которые стали результатом реформирования уголовно-процессуального законодательства. А также определения содержания и назначения этой деятельности самым непосредственным образом увязана с понятием функций прокурора (от лат. *functio* - деятельность, исполнение) на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе предварительного расследования.

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о количественном и качественном составе уголовно-процессуальных функций у прокурора как участника уголовного процесса со стороны обвинения, что непосредственным образом связано с изменением уголовно-процессуального законодательства после принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Так, в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» любая прокурорская

деятельность имеет своим назначением обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (ч. 2 ст. 1). Закон о прокуратуре закрепляет ряд направлений деятельности, которые мы можем определить как функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, хотя признаем, что подобная синонимичность не всегда уместна [2, с. 29]. Во-первых, прокурор уполномочен осуществлять надзор за органами, производящими дознание и предварительное следствие. Во-вторых, в этой же норме говорится о том, что прокурор осуществляет уголовное преследование.

Лишив прокурора права на самостоятельное возбуждение уголовного дела, что стало достаточно неоднозначным решением закона, законодатель взамен в п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ предоставил ему новое полномочие: выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Таким образом это привело к дефициту полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела по своевременному и эффективному предупреждению и устранению нарушений законности.

И соответственно в ст. 140 УПК РФ появился новый повод для возбуждения уголовного дела - постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. В результате этого прокурор сохранил определенные возможности, позволяющие ему инициировать уголовное преследование, но это уже достаточно сложнее. Как известно, Федеральный закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» был направлен на реализацию положений Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. о создании единого следственного аппарата, повышении самостоятельности следователя и изменении роли прокурора в уголовном процессе [8].

Дополнение УПК РФ новым поводом к возбуждению уголовного дела в виде

постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) не компенсировало отсутствие у прокурора полномочия самостоятельного возбуждения уголовного дела. О недостаточной эффективности полномочия прокурора по вынесению мотивированных постановлений в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, свидетельствуют данные статистики, согласно которым отнюдь не по всем таким постановлениям возбуждаются уголовные дела. Нередко прокурорам приходится добиваться возбуждения уголовного дела по направленным им материалам, отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, требуя от органов предварительного расследования устранения допущенных нарушений закона. Кроме того, с момента выявления прокурором преступления до возбуждения уголовного дела проходит важное для расследования время, возможна утрата доказательств, теряется актуальность уголовного преследования [3].

Отсутствие у прокурора права возбудить уголовное дело не компенсируется и его правом отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, хотя количество таких постановлений прокурора значительно. Однако, постановление прокурора не влечет обязательного возбуждения уголовного дела органами предварительного расследования и, как правило, не приводит к этому результату. Ситуация усугубляется тем, что возможен неоднократный отказ в возбуждении уголовного дела по одному и тому же сообщению о преступлении, даже если ранее прокурор или суд выявляли неправомерность аналогичных решений. Представляется, что отсутствие у прокурора права возбудить уголовное дело, чтобы началась дальнейшая процессуальная деятельность по осуществлению предварительного расследования, является дополнительной и необоснованной преградой доступу к правосудию. Данные обстоятельства служат основанием для предложений о возвращении полномочия прокурора по самостоятельному возбуждению уголовного дела в полном объеме либо по отдельным категориям дел или при определенных условиях (например, после отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного

дела) неоднократно поднимались научным сообществом [5]. Эти положения содержатся в диссертационных исследованиях последних лет, в том числе и в работе Абраменко А.А.[4].

Представляется, что следует согласиться с мнением Лагуткиной Н.Б. которая также полагает, что для повышения качества предварительного расследования и повышения эффективности прокурорского надзора за следствием необходимо восстановить ряд имевшихся у прокурора полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса. Следует вернуть прокурору право возбуждения уголовных дел, исходя из ряда причин. Эта проблема обозначается органами прокуратуры ежегодно. Приобретение прокурором права возбуждения уголовного дела, в совокупности с контролем над сроками следствия будут являться действенными способами профилактики следственных ошибок и злоупотреблений в процессе расследования [6].

В России достаточно серьезным вопросом является осуществление надзора применительно к следователю и дознавателю. В связи с тем, что законодатель, изменив статус прокурора, фактически разорвал связь функций процессуального надзора и уголовного преследования в деятельности прокурора. Недостатком современной системы надзора является применяемый механизм надзорной деятельности, имеющий различия для следователя и дознавателя. По отношению к дознавателю прокурор, как и прежде, наделен комплексом надзорных полномочий, существенно ограничивающий осуществление процессуальной деятельности [6].

В досудебном производстве решаемые прокурором задачи и его надзорные полномочия существенно различаются в зависимости от формы предварительного расследования. Надзор за дознанием сопряжен с использованием более широкого круга властных возможностей, нежели надзор за предварительным следствием. Видимо, законодатель полагает, что в современных условиях именно при дознании следует допустить прокурорское (внешнее) влияние посредством указаний о направлении расследования и производстве процессуальных действий, отмен решений дознавателя, отстранения его от расследования, передачи уголовного дела другому субъекту процессуальной деятельности. Во время же предварительного следствия подобные меры

обеспечения законности и устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства должны применяться самим следственным органом или по собственной инициативе, или по обращению заинтересованных лиц (в том числе прокурора). Дискуссионным в науке является вопрос о соотношении понятий «прокурор» и «государственный обвинитель». Проблема соотношения данных понятий могла быть снята формулировкой п.2 ст.35 ФЗ «О прокуратуре РФ»: «Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор наделяется правами и обязанностями государственного обвинителя, предусмотренными УПК РФ».

Практика прокурорского надзора сопряжена с многочисленными проблемами, которые нуждаются в разрешении. В частности, ввиду несовершенства механизма возбуждения уголовного дела необходимо расширить процессуальную самостоятельность прокурора, наделив его правом выносить мотивированные постановления о возбуждении уголовного дела и передавать его в органы следствия и дознания для расследования. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за следствием и дознанием должны стать одинаковыми и представляется для этого следует восстановить ряд его полномочий при осуществлении надзора за следствием. Среди них: право давать следователю обязательные для исполнения письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; право давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; право отменять любые незаконные или необоснованные постановления следователя, руководителя следственного органа; право на разрешение отводов, заявленных следователю, а также его самоотводов; право отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ; право продлевать сроки следствия; право утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; при окончании предварительного расследования право прекращать уголовное дело и уголовное преследование по основаниям, предусмотренным статьями 24 - 28 УПК РФ. Таким образом практика осуществления прокурорского надзора сопряжена с проблемами, которые нуждаются в разрешении.

Список литературы:

- [1] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // ВСНД. 1992. № 8. Ст. 366.
- [2] Абяский Р.Р. Разграничение понятий - функции и основные направления деятельности прокуратуры / Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 5(66). С. 29 - 33.
- [3] Абраменко А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 14
- [4] Бозоян А.О. Реализация полномочий прокурора, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ // Законность. 2017. № 11. С. 22.
- [5] Бозров В.М., Ергашев Е.Р., Кобзарев Ф.М. Возбуждение и расследование уголовных дел прокурором: шаг вперед или два шага назад // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. N 3(65).
- [6] Лагуткина Н.Б. Прокурор в уголовном судопроизводстве. Право и государство: теория и практика (Королево) № 2 (206). 2022 г. С.-55.
- [7] Лагуткина Н.Б. Назначение уголовного судопроизводства в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы Право и государство: теория и практика (Королево) № 1 (181). 2020 г.
- [8] Ничипоренко Т.Ю. Учреждение Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации - первый шаг к созданию единого следственного аппарата // Lex russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 1. С. 120.
- [9] Ситник В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 185 - 194.

Spisok literatury:

- [1] O prokurature Rossijskoj Federacii: federal'ny'j zakon ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-1 // VSND. 1992. № 8. St. 366.
- [2] Ablyaskin R.R. Razgranichenie ponyatij - funkcii i osnovny'e napravleniya deyatel'nosti prokuratury' / Voprosy' sovremennoj yurisprudencii. 2017. № 5(66). S. 29 - 33.
- [3] Abramenko A.A. Processual'ny'e garantii uchastnikov ugolovnogogo processa v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela (po ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu Rossii i Ukrainy'): Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2020. S. 14
- [4] Bozoyan A.O. Realizaciya polnomochij prokurora, predusmotrenny'x p. 2 ch. 2 st. 37 UPK RF // Zakonnost'. 2017. № 11. S. 22.
- [5] Bozrov V.M., Ergashev E.R., Kobzarev F.M. Vozbuzhdenie i rassledovanie ugolovny'x del prokurorom: shag vpered ili dva shaga nazad // Vestnik Akademii General'noj prokuratury' Rossijskoj Federacii. 2018. N 3(65).
- [6] Lagutkina N.B. Prokuror v ugolovnom sudoproizvodstve. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika (Korolevo) № 2 (206). 2022 g. S.-55.
- [7] Lagutkina N.B. Naznachenie ugolovnogogo sudoproizvodstva v svete differenciacii ugolovno-processual'noj formy' Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika (Korolevo) № 1 (181). 2020 g.
- [8] Nichiporenko T.Yu. Uchrezhdenie sledstvennogo komiteta pri prokurature Rossijskoj Federacii - pervy'j shag k sozdaniyu edinogo sledstvennogo apparata // Lex russica (Russkij zakon). 2008. T. 67. № 1. S. 120.
- [9] Sitnik V.V. Teoreticheskie aspekty' prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov organami, osushhestvlyayushhimi doznanie // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2018. № 4. S. 185 - 194.

СКРАБНЕВСКАЯ Елена Серафимовна,

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургский медико-социальный институт,
e-mail: elena_s_s2014@mail.ru*

ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ КАК УЧАСТНИКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу процессуального статуса присяжных заседателей, как участника уголовного судопроизводства. Рассмотрены вопросы формирования коллегии присяжных заседателей, при рассмотрении уголовных дел с их участием. Автор полагает, что практика формирования коллегии присяжных заседателей сопряжена с многочисленными проблемами, которые нуждаются в разрешении.*

Ключевые слова: *процессуальный статус, правосудие, судебное решение, присяжные заседатели, дифференциация уголовного судопроизводства.*

SKRABNEVSKAYA Elena Serafimovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines St. Petersburg Medical and Social Institute

JURORS AS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the procedural status of jurors as a participant in criminal proceedings. The issues of forming a jury panel in the consideration of criminal cases with their participation are considered. The author believes that the practice of forming a jury is fraught with numerous problems that need to be resolved.*

Key words: *procedural status, justice, court decision, jurors, differentiation of criminal proceedings.*

Суд присяжных - особый состав суда с большим числом граждан, не являющихся профессиональными судьями, но призванных к отправлению правосудия в порядке, установленном законом. Идея народного участия в правосудии имеет глубокие исторические корни и неразрывна с представлениями о демократичности и независимости судебной власти.

Участие представителей народа в осуществлении правосудия является исторической традицией в России. В дореформенный период представители от сословий, участвуя в рассмотрении дел в судах, не могли влиять на существо принимаемых решений. Хотя закон и предписывал принимать судебное решение голосованием, главной фигурой суда был канцелярский чиновник - секретарь, осведомленный в законодательных предписаниях. Он готовил для судей записку - краткое изложение материалов дела с указанием, какую норму следует применять к данному случаю. Следствием таких порядков были волокита и взяточничество [1].

В современной России суд присяжных

был восстановлен в 1993 г. в соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 г., признавшей важнейшим направлением данной реформы обеспечение права каждого лица на эту форму судопроизводства. Концепция рассматривала суд присяжных заседателей как средство разрешения нестандартных ситуаций, «где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы»[2].

Стремление к дифференциации уголовного судопроизводства – давняя, уходящая своими корнями в далекое прошлое тенденция, которая характерна практически для всех современных государств. Данный подход предполагает наличие ординарного (обычного) судебного разбирательства, которое имеет место «по умолчанию», а также его упрощенных и усложненных вариантов.

В его основе лежит, прежде всего, вполне понятное желание придерживаться таких форм судопроизводства, которые были бы адекватны тяжести и сложности рассматриваемого преступления, и тем правовым последствиям,

которые могут наступить в результате такого рассмотрения. Не последнюю роль среди факторов, стимулирующих поиски дифференцированных форм судопроизводства, играет экономический фактор [3].

Стоит отметить, что институт присяжных не из дешевых и это дорогое удовольствие, которое бьет по карману государства; исходя из вышеизложенного предполагается, что именно поэтому законодатель выделил только определенные статьи, по которым возможно участие присяжных.

Производство с участием присяжных заседателей - альтернативное судопроизводство. Это означает, что уголовные дела рассматриваются таким составом суда не в обязательном порядке, в силу законодательных предписаний, а лишь тогда, когда на это есть волеизъявление обвиняемого, выраженное в соответствующем ходатайстве.

Вовлечение в рассмотрение уголовных дел присяжных заседателей, отбираемых путем случайной выборки и обособление их в автономную коллегию судей, наделенную полномочием практически самостоятельно и без приведения необходимого обоснования принимать решение по т.н. вопросам факта (о виновности или невиновности подсудимого, о наличии или отсутствии оснований для снисходительного отношения к нему при определении меры наказания), являются обстоятельствами, предопределяющими специфику структуры судебного разбирательства по делам такого рода.

Сущность суда присяжных правильно раскрывал А. Кони: «Присяжные заседатели разрешают дело по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно тому, что они видят и слышат в суде. Это коренное свойство суда присяжных. От них не ожидается... мотивировка их решений. Оно слагается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которые производит на них разбирательство дела. Доверие или недоверие к тем или другим доказательствам есть дело их совести»[4].

Суд присяжных можно рассматривать как форму отправления правосудия в Российской Федерации, которая обеспечивает наибольшую состязательность в уголовном судопроизводстве. Именно эти обстоятельства диктуют необходимость своеобразного построения центральной стадии судопроизводства с

участием присяжных заседателей, выделения в ее структуре дополнительных этапов, которых нет и не должно быть при разбирательстве обычных дел. К числу таких дополнительных этапов относятся: формирование коллегии присяжных заседателей, постановка вопросов, подлежащих разрешению этой коллегией, напутственное слово председательствующего судьи, вынесение и провозглашение вердикта присяжных заседателей, а также обсуждение юридических последствий такого вердикта.

Присяжными заседателями могут быть граждане, включенные в списки, составляемые высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации на основании списков исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований. В основе этих списков - данные об избирателях. В списки не включаются лица: 1) не достигшие возраста 25 лет; 2) имеющие судимость; 3) признанные недееспособными или ограниченными в дееспособности; 4) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере. Отбор присяжных заседателей для участия в конкретном уголовном деле осуществляется из списков секретарем судебного заседания или помощником судьи, которому предстоит председательствовать в судебном заседании, по распоряжению последнего. Такое распоряжение отдается сразу же после назначения судебного заседания с участием присяжных заседателей. Отбор присяжных заседателей на данном этапе носит технический характер; он производится путем случайной выборки. В подготовительной части судебного заседания происходит формирование коллегии присяжных заседателей, которая проходит через многочисленные этапы, которых практически пять. Сторона, считающая состав коллегии присяжных заседателей тенденциозным, вправе обратиться к председательствующему с устным или письменным мотивированным ходатайством о роспуске коллегии. Такое ходатайство допускается только до приведения коллегии присяжных заседателей к присяге.

Вместе с тем, сторона, считающая состав коллегии присяжных заседателей тенденциозным, вправе обратиться к председательствующему с устным или письменным мотивированным ходатайством о роспуске коллегии. Такое

ходатайство допускается только до приведения коллегии присяжных заседателей к присяге. В случае удовлетворения ходатайства стороны председательствующий обязан распустить сформированную коллегию присяжных и возобновить производство по данному уголовному делу со стадии назначения судебного заседания, предполагающего формирование другой коллегии присяжных заседателей на основе нового списка, сформированного путем случайной выборки. И только после того, как коллегия присяжных заседателей будет сформирована и принятия ими присяги, ее участники становятся полноправными участниками уголовно-процессуальных отношений и их процессуальный статус обозначен в статье 333 Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Специфика уголовно-процессуальных правоотношений заключается в том, что их участниками являются как частные лица (физические и юридические), действующие исключительно от своего имени, так и должностные лица и государственные органы, действующие от имени государства, которое в свою очередь представляет интересы общества, а также профессиональные и иные представители, действующие с целью оказания юридической помощи в интересах частных лиц, но при этом обеспечивающие и интересы общества в целом.

Уголовно-процессуальные правоотношения - это урегулированные нормами уголовно-процессуального права отношения, в которые вступают между собой государственные органы, их должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, а также физические лица, вовлеченные в производство по конкретному уголовному делу, в связи с чем закон наделяет их определенными правами и возлагает на них ряд обязанностей[5].

Историческая заслуга суда присяжных, что признавалось и его противниками, состояла в том, что данная форма суда обеспечивала лучшим и скорейшим образом переход от теории формальных доказательств к оценке доказательств по внутреннему убеждению. В соответствии со статьей 334 Уголовно-процессуального законодательства присяжные заседатели на основании своего жизненного опыта, гражданского правосознания и представлений о справедливости, в согласии со своей совестью и по внутреннему убеждению,

основанному на личном участии в судебном процессе, в условиях тайны совещательной комнаты в отсутствие председательствующего решают лишь следующие вопросы: 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении преступления; 4) заслуживает ли подсудимый снисхождения.

Весь уголовный процесс, по сути, представляет собой собирание и оперирование доказательствами в целях восстановления перед судом прошедшего события в наиболее верных и подробных чертах [6].

Правовое регулирование процедуры рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей открыло путь к появлению суда присяжных в реальности, сначала в отдельных регионах, а со временем и на остальной территории Российской Федерации. После восстановления суд присяжных в Российской Федерации находится в постоянном развитии. Законодатель рассматривает участие граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, в осуществлении правосудия как их гражданский долг.

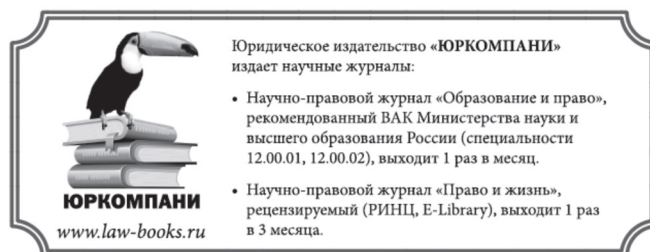
При всех положительных моментах рассмотрения уголовных дел в таком порядке, особенно сложным остается процесс формирования коллегии присяжных заседателей, а также в силу занятости, нежелания, боязни потери места работы и других проблем, граждане стараются отказаться от участия в коллегии присяжных заседателей. Проблемы с обеспечением явки кандидатов в присяжные заседатели и формированием скамьи присяжных возникают практически во всех регионах России и, даже если коллегия и будет сформирована, это еще половина дела, так как формирование коллегии может повлиять на объективность принимаемых коллегией присяжных решений. Указанные выше обстоятельства становятся серьезным препятствием в процессе формирования коллегии присяжных, мотивом отказа и нежелания граждан участвовать в качестве присяжных заседателей. В связи с этим необходимо совершенствовать законодательство в части участия граждан в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей, так как проблемы формирования коллегии присяжных заседателей отражаются на реализации такого принципа уголовного судопроизводства России, как разумный срок уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] Головки Л.В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головки. – «Статут», 2016. – 1280с.
- [2] Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика, 1992. С. 81.
- [3] Кони А.Ф. Собрание сочинений. М.: Юридическая литература, 1967. Т. 4. С. 209 - 212.
- [4] Лагуткина Н.Б. Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Актуальные вопросы современной науки, 2015 № 44-2. С.171
- [5] Лагуткина Н.Б. Уголовно-процессуальные правоотношения и их участники. Сборник: Актуальные вопросы юридической науки и практики. Материалы III Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30 -31окт. 2018 г., Хабаровск.2019. С.311
- [6] Лагуткина Н.Б. Основные средства и способы доказывания в уголовном судопроизводстве. Сборник: Актуальные вопросы юридической науки и практики. Материалы III Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30 -31окт. 2018 г., Хабаровск.2019. С.304-307

Spisok literatury:

- [1] Golovko L.V. Kurs ugolovnogo protsesssa [Course of criminal process]. – “Statut”, 2016. – 1280 p.
- [2] The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation. Moscow, Respublika Publ., 1992. P. 81.
- [3] Koni A.F. Sobranie sochinenii [Collected works]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. T. 4. Pp. 209 - 212.
- [4] Lagutkina N.B. Zashchita prav i zakonnykh interesov pozhdarshego v ugolovnom sudoproizvodstvo [Protection of the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings]. P.171
- [5] Lagutkina N.B. Ugolovno-protsessual'nye pravootnosheniya i ikh uchastniki [Criminal procedural legal relations and their participants]. Collection: Actual Issues of Legal Science and Practice. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, October 30-31. 2018, Khabarovsk.2019. P.311
- [6] Lagutkina N.B. Osnovnye sredstva i sposobi dokazaniya v ugolovnom sudoproizvodstvo [Basic means and methods of proof in criminal proceedings]. Collection: Actual Issues of Legal Science and Practice. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, October 30-31. 2018, Khabarovsk.2019. pp. 304-307

ГАЛЛЯМОВ Данил Раисович,
студент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Москва
e-mail: danil-gallyamov@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ФРАНЦИИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В 2019 году французское правительство ввело уголовную ответственность за судебную аналитику, вызвав глобальную дискуссию о том, должны ли регулирующие органы уделять больше внимания использованию судебных данных. В работе критически анализируются этические и юридические последствия внедрения прогностической аналитики во французскую систему административного правосудия. Возникает ключевой вопрос: разумно ли интегрировать искусственный интеллект в систему правосудия, учитывая его потенциальные преимущества, несмотря на связанные с этим риски, этические дилеммы и юридические трудности?

Ключевые слова: *предсказанное правосудие, технологии прогнозирования, правосудие на основе данных, искусственный интеллект, цифровизация, автоматизация, интеллектуальная система.*

GALLYAMOV Danil Raisovich,
student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Moscow

FRANCE'S STRATEGY IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIAL PROCEEDINGS

Annotation. In 2019, the French government criminalized judicial analytics, sparking a global debate about whether regulators should pay more attention to the use of judicial data. The paper critically analyzes the ethical and legal implications of the introduction of predictive analytics into the French justice system. A key question arises: is it wise to integrate artificial intelligence into the justice system, given its potential benefits, despite the associated risks, ethical dilemmas, and legal difficulties?

Key words: *predict courts' decisions, prediction technology, data-driven justice artificial intelligence, digitalization, automation, intelligent system.*

В условиях информатизации использование технологий прогнозирования в сфере правовых отношений - необходимая ступень развития. В последнее время это стало вполне доступным для широкого использования в целях автоматизации процессов. Безусловно, что вместе с тем необходим и государственный контроль над прогнозированием в сфере законотворчества.

В юридический обиход европейских стран прочно вошло новое понятие - предсказанное правосудие (далее – ПП), которое опирается на искусственный интеллект (далее – ИИ). Оно предоставляет схемы и алгоритмы для системного анализа в короткие сроки большого количества споров и ситуаций, которые предвидят исход или просчитывают и оценивают шансы на успех. Всё это позволяет выбрать правильный способ защиты, подходящие аргументы и т.д.

В данном случае речь идёт об аналитических

инструментах, которые позволяют делать прогнозы о будущих судебных решениях. Технологии прогнозирования больше популярны в странах англо-саксонской правовой традиции.

Однако признанным лидером по внедрению ПП в Европе является Франция. Как известно, во Франции действует более 50 кодексов, около 10 500 законов, 127 000 указов и иных нормативных актов, миллионы судебных решений [2, с.83].

Использование ИИ во Франции растёт и активизируется во многих областях, особенно в сфере правосудия. Данный процесс ведёт к постепенной замене труда человека на программы, определяющих по цифровым алгоритмам поведение роботов и образов мышления ИИ [3, с. 80]. Президент Франции Эммануэль Макрон сделал одним из приоритетов в работе своего правительства развитие этих достижений и превращение Франции в мирового лидера в области

искусственного интеллекта.

Параллельно французское правительство предприняло определенные усилия и по предупреждению проблем регулирования, связанных с ИИ, в рамках «Национальной стратегии в области искусственного интеллекта», запущенной в рамках программы «Франция-2030». Французские нормативные акты уже вступают в силу в сфере правосудия и должны быть продолжены в области ответственности за использование ИИ и защиты прав человека [6, с.42].

Во Франции действует Закон № 2016-1321 от 7.10.2016г. «О цифровой республике», а также разработаны такие программы, как Case Law Analytics и Prédicte, анализирующие судебные решения (кроме уголовных дел) [1, с. 162].

19 сентября 2023 года страна учредила Французский комитет по генеративному ИИ, продемонстрировав свою приверженность исследованию этой темы. Кроме того, 10-11 февраля 2025г. состоялся саммит по действиям в области ИИ (AI Action) в Париже, что свидетельствует об активном участии Франции в регулировании и обеспечении безопасности ИИ.

Во Франции, где судебная аналитика и прогнозирование исхода гражданских дел развиваются также достаточно динамично, в июне 2019г. была принята поправка к ст. 33 Закона о реформе правосудия: «Идентификационные данные судей и сотрудников судебных органов не могут использоваться повторно с целью или результатом оценки, анализа, сравнения или прогнозирования их фактической или предполагаемой профессиональной практики» [7].

Аналитики назвали этот закон беспрецедентным вмешательством государства в деятельность юридических технологических компаний, ориентированных на судебную аналитику. Основная цель нововведения - запретить публично раскрывать модель поведения судей в отношении судебных решений. За нарушение установленного данным законом запрета установлено уголовное наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет [4, с.124]. Это первый пример такого запрета в мире.

В конце июля 2019г. адвокаты Франции потребовали аналогичного обращения с их идентификационными данными в контексте распространения судебных решений в открытых

данных.

В отличие от новой антиоткрытой позиции судей, требования адвокатов не закреплены законодательно, но поддерживаются правительством и Министерством юстиции Франции. При таких глобальных препятствиях анализ судебных процессов и предиктивная аналитика не уходят из сферы внимания legal tech компаний. Они смогут анализировать обезличенные данные судебных процессов, но с гораздо меньшей детализацией и менее конкретным пониманием, как складывается судебная практика.

Последние десятилетия во Франции дискутируют о том, стоит ли удалять имена судей из решений, особенно если данные решения размещаются в открытом доступе. Сторонники видят закон 2019г. как компромисс от правительства.

Другие же эксперты считают, что всё это может привести к усилению зависимости судей, присяжных и других участников судебного процесса от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса, которые базируются на статистических расчетах [5, с.72]. Они считают это решение спорным шагом.

В отличие от США и Великобритании, где судьи, похоже, смирились с тем, что юридические ИИ-компании анализируют свои решения в мельчайших деталях, а затем создают модели того, как они могут вести себя в будущем, французские судьи решили отказаться от этой идеи.

Французские издатели прецедентного права и компании, занимающиеся прогнозированием судебных процессов с использованием искусственного интеллекта, такие как Prédicte, по-видимому, «справляются» без предоставления этой конкретной информации. Возможно, это связано с тем, что даже если вы исключите судей из уравнения, из остального материала по прецедентному праву все равно останется достаточно полезной информации.

Одной из приоритетных областей в развивающейся области регулирования судебной аналитики является определение рисков, создаваемых этой технологией. Обсуждаемые проблемы включают дезинформацию, давление на независимость судебной власти, угрозы благополучию судей, покупки на форумах, уязвимость потребителей и неравенство.

Однако можно привести показательный

пример и из обычной судебной практики Франции, одно исследование, проведенное в рамках Тулузской школы экономики, показало, что в уголовной сфере вынесенные приговоры были менее суровыми, если приговор звучал в день рождения обвиняемого. В решениях уголовных судов Франции «юбилейная скидка» составляла от 1 до 3%. Этот пример показывает, что анализ судебных данных программами искусственного интеллекта, скорее всего, выявит игнорируемые элементы, знание которых может быть использовано для улучшения функционирования правосудия.

Заменят ли роботы судей? Страх перед автоматической и бесчеловечной системой правосудия часто звучит в критике ИИ во Франции. Хотя инструменты прогнозирующего правосудия обладают значительным потенциалом для повышения эффективности и последовательности судебных решений, они пока не могут заменить человеческое правосудие. Правосудие выходит за рамки простых расчетов, делая упор на обоснованные обсуждения.

Пока центральное место в этом процессе занимает уникальное и суверенное решение судей-людей, которые обладают дискреционными

полномочиями. Такая свобода действий позволяет судьям гибко ориентироваться, выбирать из множества юридически обоснованных решений, подчеркивая их важнейшую роль в системе правосудия, где человеческое понимание и рассудительность незаменимы.

Тем не менее, нельзя отрицать, что инструменты прогнозирующего правосудия предоставляют административным судьям неоспоримые перспективы для прогресса, которыми они должны воспользоваться, чтобы эффективно работать на благо сторон в судебном процессе, сохраняя при этом бдительность в отношении незыблемости основополагающих принципов административной юстиции. Поэтому пока инструменты прогнозирующего правосудия следует применять с осторожностью. Они должны учитывать основополагающий характер правосудия, который требует аргументации, осмотрительности и человеческой чуткости для обеспечения того, чтобы система правосудия оставалась справедливой, беспристрастной и способной адаптироваться к уникальным аспектам каждого отдельного дела.

Список литературы:

[1] Анисимова, А. С. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии / А. С. Анисимова, М. П. Спиридонова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – Т. 39, № 3. – С. 161-165.

[2] Бирюков, П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П. Н. Бирюков // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 11(156). – С. 79-87.

[3] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2019. – № 2. С. 79-102.

[4] Barraud, Boris Un algorithme capable de prédire les décisions des juges: vers une robotisation de la justice? Les Cahiers de la justice 1, no. 1 2017, pp. 121-139.

[5] Cesta, Will The Regulation of Judicial Analytics: Towards a New Research Agenda. Law, Technology and Humans, 2024, Vol. 6 No. 2, pp. 69-87.

[6] Duflot, Alain Artificial Intelligence in the French Law of 2024. Legal Issues in the Digital Age, vol. 5, no. 1, 2024. pp. 37-55.

[7] Zouhaier Nouri, Walid Ben Salah, Nayel Alomran Artificial Intelligence and Administrative Justice an Analysis of Predictive Justice in France [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/382234921> (Дата обращения: 05.03.2025).

Spisok literatury:

[1] Anisimova, A. S. K voprosu o vozmozhnostjakh ispol'zovanija tehnologij iskusstvennogo intellekta v pravosudii / A. S. Anisimova, M. P. Spiridonova // Juridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – Т. 39, № 3. – С. 161-165.

[2] Birjukov, P. N. Iskusstvennyj intellekt i «predskazannoe pravosudie»: zarubezhnyj opyt / P. N. Birjukov // Lex Russica (Russkiy zakon). – 2019. – № 11(156). – С. 79-87.

[3] Laptev V.A. Ponjatie iskusstvennogo intellekta i juridicheskaja otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki. – 2019. – № 2. S. 79-102.

[4] Barraud, Boris Un algorithme capable de prédire les décisions des juges: vers une robotisation de la justice? Les Cahiers de la justice 1, no. 1 2017, pp. 121-139.

[5] Cesta, Will The Regulation of Judicial Analytics: Towards a New Research Agenda. Law, Technology and Humans, 2024, Vol. 6 No. 2, pp. 69-87.

[6] Dufлот, Alain Artificial Intelligence in the French Law of 2024. Legal Issues in the Digital Age, vol. 5, no. 1, 2024. pp. 37–5

[7] Zouhaier Nouri, Walid Ben Salah, Nayel Alomran Artificial Intelligence and Administrative Justice an Analysis of Predictive Justice in France [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/382234921> (Data obrashhenija: 05.03.2025).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УГУРЧИЕВА Х.И.,

магистрант 3 курса ИнгГУ, кафедры «Финансы и кредит»,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

ОЗДОЕВА Зарифа Хамзатовна,

доцент, кандидат экономических наук,

e-mail: mail@law-books.ru

ФИНАНСОВЫЙ МАРКЕТПЛЕЙС КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассмотрена актуальность развития платформенных экосистем на современном этапе, роль в них финансовых маркетплейсов, а также выгоды интеграции финансовых маркетплейсов в платформенные экосистемы.

Ключевые слова: платформенные экосистемы, финансовые маркетплейсы, интеграция, e-экономика, бизнес-модели, модели развития.

UGURCHIEVA Kh.I.,

3rd year Master's student at IngGU, Department of Finance and Credit

Scientific supervisor:

OZDOEVA Zarifa Khamzatovna,

associate professor, candidate of economic sciences

FINANCIAL MARKETPLACE AS AN IMPORTANT ELEMENT OF THE PLATFORM ECOSYSTEM

Annotation. The article examines the relevance of the development of platform ecosystems at the present stage, the role of financial marketplaces in them, as well as the benefits of integrating financial marketplaces into platform ecosystems.

Key words: platform ecosystems, financial marketplaces, integration, e-economy, business models, development models.

На сегодняшний день одним из актуальных направлений развития экономики является переход на электронную или платформенную экономику, обусловленный совокупностью сложившихся факторов, таких как динамично развивающиеся в мире процессы глобализации и интеграции, изменивших и расширивших территориально границы рынков, технологические инновации, накопление которых достигло точки перехода от периода создания к практическому внедрению, достижение пределов возможностей классических форм и моделей видения бизнеса в вопросах увеличения оборота товаров и прибыльности.

Применение e-экономики как инновационной бизнес-модели, дающей возможности использовать, как экономико-технологические элементы, так и личностные социально-психологические факторы,

ведет к совершенствованию бизнес-моделей, в целом, и качеству бизнес-процессов, в частности. Примером перестройки классического бизнеса на электронную платформу можно привести американскую компанию Uber, одну из первых создавшую электронное приложение для вызова такси, в основе которого лежит электронный договор, как с потребителями услуг, так и с исполнителями, заменивший (вместо прямых договоров найма).

На сегодняшний день экономическая деятельность, связанная с e-экономикой, в большинстве своем представляет собой совокупность из нескольких платформ, называемая экосистема. В рамках экосистемы потребитель получает широкий ассортимент различных товаров и услуг одной сферы потребления, либо же затрагивать несколько

сфер рынка. Экосистемы, действующие по всему миру, включают в себя широкий спектр услуг, касающихся различных сфер жизни (поездки, недвижимость, развлечения, спорт, дизайн и т.д.), и широкий ассортимент товаров, рассчитанных практически на все группы потребителей. Также в экосистему могут быть включены офлайн-услуги, которые оказываются через офисы или отдельных представителей организаций. Развиваясь, экосистема включает в себя сервисы, рассчитаны не только на физических, но и на юридических лиц.

Особенностью экосистемы является обобщение данных о клиентах (создание профиля), в котором учитываются приобретенные товары и услуги, маршруты поисковых запросов, выявляются предпочтения и формируются адресные предложения [1].

На сегодняшний день действующие платформенные экосистемы в мире, вне зависимости от размера, находятся в различных стадиях формирования организационных форм, так как данный процесс происходит на фоне выработки эффективных алгоритмов механизма добавленной стоимости в рамках индивидуальных бизнес-моделей, компаний, участвующих в работе экосистемы. Также результативность деятельность компаний экосистем очень разная от высокоприбыльных (Alphabet в США, Т-банк Россия) до минимально прибыльных, но при этом, даже при убыточной деятельности, капитализация компаний, использующих платформенные бизнес-модели, растет.

Отрицательный баланс в первые годы функционирования платформенных бизнес-моделей предусмотрен в стратегии развития для привлечения потенциальных субъектов взаимоотношений на платформе. При дальнейшем развитии, увеличении масштабов реализуемых процессов и появлению связанных с сетевых эффектов, появляется возможность привлечения финансов, бизнес-модель выходит на прибыль и становится привлекательной для потенциальных инвесторов. Запускаемые инвестиционные процессы повышают конкурентоспособность бизнес-платформы на рынке, стимулируют других участников рынка оценивать положительные моменты по вопросам сотрудничества с данной платформой.

Монетизация деятельности платформы происходит за счет комиссий и взносов

поставщиков, сотрудничающих с платформой, привлечения рекламы, а также комиссионные сборы платформы могут уже учитываться в цене на предлагаемые товары и услуги.

Правильно созданные и интегрированные адресные системы поиска в деятельности платформы нацелены в большей степени не на интересы потребителей, а на рекламные договора, что, в свою очередь, заставляет администрацию платформы искать баланс между потребностями потребителей и поставщиков. Достижение такого баланса и особенности организации бизнеса и маркетинга на платформе (акцент на активацию сетевых эффектов с помощью стремительного создания клиентской базы, масштабность проводимых операций, мониторинг и анализ деятельности платформы, значительная база данных о клиентах и поставщиках, учет психологических особенностей потребителей и т.д.) формируют мощный потенциал роста платформы и ее лидерование на рынках. Как отмечают эксперты, наличие внушительной информационной базы данных для компании, использующих интернет-платформы в своей деятельности, значительно повышает ее конкурентоспособность, потенциал трансформации в экосистему и делает ее практически неуязвимой на обслуживаемых рынках.

В общем для экономики, переход значительной ее части в формат электронной, приводит к перераспределению ресурсов и стимулирует динамический рост, в целом [2].

На сегодняшний день платформенные экосистемы стали больше внимания уделять финансовой составляющей, интерес к которой, как отдельному продуктовому элементу в предыдущие годы был незначительным. Отсутствие интереса к финансовым продуктам был обоснован тем, что сам финансовый сектор характеризуется значительно более низкой маржинальностью, а также заинтересованностью и подконтрольностью государству.

Включение в действующую экосистему платформ, предназначенных для продвижения финансовых продуктов и услуг на соответствующих рынках, обуславливает необходимость для компании приходиться к соглашению с государством, в целом, и финансовыми регуляторами, в частности, а также корректировать свой функционал в соответствии с возникающими новыми внешними и внутренними

рисками, которые не были предусмотрены в уже действующей бизнес-модели. Но современные реалии не дают потенциал развития платформенной экосистемы без учета финансовых продуктов и услуг, в связи с чем финансовые маркетплейсы все активнее формируются и развиваются, как отдельные элементы e-экономики, так и полноценные сегменты платформенных экосистем.

Основными услугами маркетплейсов являются торговые расчеты, P2P переводы. В ассортимент услуг также входят кредитные, страховые, инвестиционные продукты, а также сопровождение операций клиентов (ведение счетов, учет транзакций и т.д.). Необходимость интеграции финансовых маркетплейсов в экосистему обусловлено комплементарностью к основным продуктам и услугам, что в свою очередь, положительно влияет на качество предоставляемых услуг, расширение ассортимента и клиентской базы, а также повышение привлекательности платформы для клиентов, которые перестают искать другие сервисы для решения своих потребностей [3].

Финансовые маркетплейсы в рамках экосистемы повышают маржинальность самой системы, и уменьшают стоимость финансового сопровождения процессов внутри системы.

Также финансовые маркетплейсы эффективно влияют на расширение информационных ресурсов экосистемы, которые, в свою очередь, положительно влияют на маркетинговую деятельность и создание адресных предложений для клиентов, что также повышает конкурентоспособность платформы.

Интеграция финансовых маркетплейсов в платформенную экосистему происходит по двум моделям:

1. Интегрирование в деятельность финансовых продуктов и услуг на основании партнерства с финансовыми компаниями;
2. Формирование финансового института внутри экосистемы.

Обе модели уже представлены на мировых рынках, при этом обращает на себя внимание, что вторая модель характерна для азиатских платформ (Alibaba и Tencent), а первой моделью больше пользуются европейские и американские экосистемы (Amazon Lending). В первой модели исключение составляют только платежные системы, которые встроены в платформу (Mastercard).

Таким образом, современные тенденции развития финансового рынка, а также современные социально-экономические вызовы ставят перед компаниями, использующими возможности e-экономики не только новые задачи, и открывают перспективы повышения конкурентоспособности и динамического развития.

Интеграция финансовых маркетплейсов в деятельность платформенных экосистем имеет дуальную выгоду: для экосистемы – это повышение эффективности ее деятельности, а для финансового маркетплейса – защита от рисков, повышение ассортимента и оборота продуктов и услуг. К совместной выгоде можно отнести повышение конкурентоспособности, как финансового маркетплейса, в отдельности, так и платформенной экосистемы в целом, расширения спектра продукции и оказываемых услуг, а также улучшение их качества, что, в свою очередь, ведет к повышению лояльности имеющихся клиентов и привлечению новых потребителей.

Список литературы:

- [1] Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. – М.: Банк России, 2021. – 46с.
- [2] Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др./ под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 72 с
- [3] Самиев П.А., Закирова В.Р., Швандар Д.В. Экосистемы и маркетплейсы: обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. - 2020 - № 5. – С 86-98.

Spisok literatury:

- [1] Ekosistemy: podhody k regulirovaniyu. Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tacij. – М.: Bank Rossii, 2021. – 46s.
- [2] Platformennaya ekonomika v Rossii: potencial razvitiya: analiticheskij doklad / G. I. Abdrahmanova, L. M. Gohberg, A. V. Dem'yanova i dr./ pod red. L. M. Gohberga, B. M. Glazkova, P. B. Rudnika, G. I. Abdrahmanovoj; – М.: ISIEZ VShE, 2023. – 72 s
- [3] Samiev P.A., Zakirova V.R., Shvandar D.V. Ekosistemy i marketplejsy: obzor rynka finansovykh uslug // Finansovyy zhurnal. - 2020 - № 5. – S 86-98.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПРИХОДЬКО Артем Евгеньевич,

*Студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
e-mail: Prikho05@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Аннотация. В данной статье проведен анализ положений Уголовного и Уголовно-процессуального законодательства России в части их целей и реализации их в правоприменительной практике. Рассмотрены задачи законодательства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В результате исследования автор полагает о необходимости решения данного вопроса на законодательном уровне, в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: задачи уголовного законодательства и назначение уголовного судопроизводства, восстановление социальной справедливости, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

PRIKHODKO Artem Evgenievich,

*Student of the St. Petersburg of a law institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the
Russian Federation*

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROVISIONS OF THE CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

Annotation. This article analyzes the provisions of the Criminal and Criminal Procedure Legislation of Russia in terms of their goals and their implementation in law enforcement practice. The tasks of legislation in terms of protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations that have suffered from crimes are considered. As a result of the study, the author believes that it is necessary to resolve this issue at the legislative level, within the framework of criminal proceedings.

Key words: objectives of criminal legislation and the purpose of criminal proceedings, restoration of social justice.

Уголовное право и Уголовный процесс являются достаточно значимыми и взаимосвязанными отраслями права, в связи с этим вопросы, связанные с определением назначения, цели, задач уголовного права и уголовного процесса в настоящее время являются актуальными.

При изучении способов проявления уголовно-правовых норм следует согласиться с мнением о том, что применение уголовного права - это принятие и закрепление решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных фактических обстоятельств в соответствующей норме и об определении (или неопределении) содержащейся в ней меры уголовно-правового характера[2]. Применение уголовного закона обеспечивается каждый раз в результате вынесения и процессуального закрепления на основаниях и в порядке, предусмотренных

Уголовно-процессуальным законодательством, итогового решения по находящимся в производстве органов предварительного расследования и суда материалам. Принятие и процессуальное закрепление в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России окончательного решения по находящимся в производстве органов предварительного расследования и суда материалам (разрешение их по существу), с одной стороны, завершает уголовно-процессуальную деятельность, с другой - обеспечивает применение норм уголовного закона.

Уголовно-процессуальные основания для принятия итоговых решений устанавливаются из фактических данных, полученных в ходе уголовного процесса, необходимых и достаточных для применения уголовного закона. После принятия итогового решения по уголовному делу

правоприменителем можно делать вывод на сколько реализованы задачи и цели, регламентированные законом, в практической деятельности. Следует иметь в виду и тот факт, что уголовно-процессуальное законодательство существует и реализуется в тесной связи с уголовным законодательством и социальная направленность этих отраслей законодательства, естественно, не может быть существенно разной. При производстве по уголовным делам нельзя забывать о том, что предписывает уголовный закон. Уголовный закон России (далее УК РФ) формулируя свои задачи в части 1 статьи 2 УК РФ), предусматривает: «Задачами уголовного законодательства являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Также в части 2 статьи 43 УК РФ, имеющая прямое отношение к задачам уголовного судопроизводства, содержится также в части 2 статьи 43 УК РФ, где сказано: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия. Уголовный закон защищает наиболее важные для личности, социума и государства общественные отношения, посягательства на которые или реальное причинение вреда которым влечет за собой наиболее суровую реакцию со стороны государства. Задача охраны наиболее значимых объектов присуща праву любого государства на любой стадии его развития и сущность этой задачи не меняется, а исторически изменяются лишь охраняемые объекты или приоритеты среди них. Описание основных

элементов (компонентов) содержания уголовного процесса нельзя признать полным, если такое описание не включает в себя четкие сведения о том, на что должно быть направлено производство по уголовным делам, ради чего оно должно осуществляться.

Другими словами, содержание уголовного процесса - это не только взаимосвязанные правовая регламентация, деятельность и процессуальные отношения, но, разумеется, и те задачи (цели), которые ставятся перед всем процессом в целом. Уголовно-процессуальное право и его реализация, как и все другие правовые явления (отрасли права, правовые институты, конкретные нормы), не могут быть бесцельными или не направленными на решение каких-то конкретных социальных задач, т.е. «обеззадаченными». Любой правовой акт, в том числе уголовно-процессуальный, и практика его применения, которые не обеспечивают достижение какой-то определенной цели или решение социально значимой задачи, - это нечто бессмысленное, никому не нужная безделушка. Он должен издаваться и претворяться в жизнь во имя чего-то, для получения какого-то определенного результата, т.е. для достижения какой-то цели или выполнения какой-то задачи. Именно подобный подход к правотворчеству и правоприменению в целом, а равно к наполнению конкретным содержанием понятий «уголовный процесс» или «уголовное судопроизводство» (далее УПК РФ) стал для отечественной правовой науки и практики практически традиционным, само собою разумеющимся. Он давно и широко признается вполне разумным и требующим неуклонного соблюдения.

С принятием в 2001 г. нового УПК РФ отношение к определению задач уголовного процесса вновь изменилось. Это проявилось, в частности, в том, что законодатель предпочел отказаться от понятия «задачи уголовного судопроизводства» и заменил его другим понятием - «назначение уголовного судопроизводства». Такая замена, по сути, повлекла за собой и отказ от четкого определения общесоциальной направленности усилий правоохранительных органов в сфере производства по уголовным делам. Это видно по тому, как в действующем УПК РФ раскрывается понятие «назначение уголовного судопроизводства». В статье 6 УПК РФ говорится:

«Уголовное судопроизводство имеет своим

назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [3].

Если мы рассмотрим уголовно и уголовно-процессуальное законодательство России, то увидим, что их задачи по защите и охране прав и свобод человека и гражданина в них пересекаются и должны соблюдаться. Не смотря на законодательное закрепление актуальным вопросом остается в настоящее время возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшим, в рамках уголовного судопроизводства. Охрана и защита прав потерпевшего как жертвы преступления представляют собой важное направление деятельности законодателей и правоохранителей всех цивилизованных государств мира. Также в уголовно-процессуальном законодательстве России является одно из важных назначений – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.[8]

Не смотря на законодательное закрепление актуальным вопросом остается в настоящее время возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшим, в рамках уголовного судопроизводства. Законодательное закрепление в части 2 статьи 43 УК РФ целей наказания, а именно восстановление социальной справедливости, не всегда реализуется в полном объеме в реальности. Из смысла закона следует, что преступник должен понести наказание за совершенное преступление, а потерпевшему должен быть возмещен причиненный вред. Вместе с тем, необходимо отметить, что у осужденный зачастую его не возмещает, так как у него отсутствуют средства и имущество, а находясь в местах лишения свободы у него не всегда имеется возможность работать, что соответственно влияет на возмещение причиненного ущерба[1].

Кроме того, при принятии решения по уголовным делам, не всегда требуется возмещение причиненного ущерба. Хотя добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, является обстоятельством, смягчающим наказание, в соответствии со статьей 61 УК РФ. Глава 40 УПК

РФ регламентирует особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, но, к сожалению, закон не требует возмещения причиненного ущерба, а в случае возмещения это будет дополнительным обстоятельством, смягчающим наказание. В настоящее время достаточно большое количество уголовных дел рассматривается и зачастую потерпевший остается без возмещенного причиненного ему ущерба и вреда, тогда как осужденный получает наказание не более двух третей максимального срока или наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. А ведь в соответствии с требованиями статьи 310 УПК РФ с осужденного даже не могут быть взысканы судебные издержки, предусмотренные статьей 131 УПК РФ. В результате получается так, что статья 52 Конституции РФ, гарантирующая право на компенсацию причиненного ущерба, практически не реализуется на практике.

Данный вопрос неоднократно становился объектом для обсуждения как практиками, так и теоретиками, а также этот вопрос был затронут в аналитическом докладе «Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» и в докладе 10 июня 2019 года Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова представила Президенту России Владимиру Путину ежегодный доклад, в котором обратила особое внимание на актуальные вопросы уголовно-процессуального законодательства и недостаточную защищенность потерпевших от преступлений. По итогам встречи, Президент отметил: «Защита потерпевших - очень важная тема! Если человек не чувствует защиты, он, действительно, полагает, что государство его бросило или государства не существует, потому что он оказывается один на один с преступными проявлениями» [4].

Как показывает зарубежный опыт, в ряде стран введено возмещение ущерба от преступления потерпевшим, не имеющих возможности получить компенсацию от виновного за счет государства (Англия, Германия, США, Франция и др.). Так, например, во Франции, наряду с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, регулирующим порядок защиты потерпевших и свидетелей преступления от преступников, действуют также Законы, принятые 2 февраля

1982 года и 8 июля 1983 года «Об усилении защиты потерпевших от преступлений». В этих Законах предусматриваются меры по оказанию всесторонней психологической, юридической и организационной помощи жертвам преступлений и участникам уголовного судопроизводства, а также полному и своевременному возмещению государством понесенных участниками уголовного процесса материальных издержек.[7]

Следует отметить, что в России рассматривался вопрос о Создании Национального фонда поддержки потерпевших от преступлений – отдельного звена уголовной системы, которое позволит производить выплаты за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления даже в том случае, если отсутствует возможность взыскания денежных средств с преступника, при этом не освобождая преступника от дальнейшего возмещения денежных средств уже в пользу государства в регрессном порядке.

Представляется, что следует согласиться с мнением Лагуткиной Н.Б., которая полагает что законодателю необходимо разработать эффективный механизм возмещения причиненного

преступлением ущерба (компенсации вреда), так как заявление потерпевшим гражданского иска в уголовном процессе является на сегодняшний день единственно возможной формой защиты нарушенных интересов. Законодательство большинства стран содержит как положительный, так и отрицательный опыт в правовом регулировании вопросов, связанных с возмещением потерпевшим вреда от преступления, содержит различные механизмы реализации данного права потерпевшего [5]. Российские ученые неоднократно исследовали данную проблематику, вносили предложения по совершенствованию данного вопроса и имплементирования в российское законодательство положительного опыта современных зарубежных государств законодательства, связанного с возмещением потерпевшему причиненного вреда преступлением. Вместе с тем на сегодняшний день возмещение вреда в России не является безусловной обязанностью виновного лица, тогда как реализация защиты прав и законных интересов людей, потерпевших вред от преступлений, является первоочередной задачей российского уголовного судопроизводства.[6]

Список литературы:

- [1] Анисимкова, Н.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы. - Автореф. дис...к.ю.н. - Ставрополь, 2008. - С. 19.
- [2] Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права: монография. Ярославль, 2003. С. 75 - 76.
- [3] Гуценко К. Уголовный процесс. М., 2019. 327с.
- [4] Доклад ««Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» // СПК «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2025г.)
- [5] Лагуткина Н.Б. Назначение уголовного судопроизводства в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы. Право и государство: теория и практика (Королево) № 1 (181). 2020 г.
- [6] Лагуткина Н.Б. Институт возмещения причиненного вреда, как реализация принципа защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений Реформирование Российского законодательства: Современные проблемы уголовного права и процесса. Сборник материалов Всероссийской НПК, г. Хабаровск, 2021г.
- [7] Меньших А. А. О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции // Журнал российского права. 1999. № 3 - 4. С. 164 - 165.
- [8] Уголовный процесс: проблемные лекции / Томин В.Т., Зинченко И.А. – М., Юрайт, 2013. – 108с.

Spisok literatury:

- [1] Anisimkova, N. V. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo prestupleniem: ugovovno-pravovoj i ugovovno-ispolnitel'ny`j aspekty` problemy`. - Avtoref. dis..k.yu.n. - Stavropol', 2008. - S. 19.
- [2] Blagov E. V. Obshhaya teoriya primeneniya ugovovnogo prava: monografiya. Yaroslavl', 2003. S. 75 - 76.

[3] Gucenko K. Ugolovny`j process. M., 2019. 327s.

[4] Doklad ««Ocenka potenciala gosudarstvennoj sfery` zashhity` prav poterpevshix ot prestuplenij» // SPK «Konsul`tantPlyus» (data obrashheniya:20.02.2025g.)

[5] Lagutkina N.B. Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva v svete differenciacii ugolovno-processual`noj formy`. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika (Korolevo) № 1 (181). 2020 g.

[6] Lagutkina N.B. Institut vozmeshheniya prichinennogo vreda, kak realizaciya principa zashhity` prav i zakonny`x interesov licz i organizacij, poterpevshix ot prestuplenij Reformirovanie Rossijskogo zakonodatel`stva: Sovremenny`e problemy` ugolovnogo prava i processa. Sbornik materialov Vserossijskoj NPK, g. Xabarovsk, 2021g.

[7] Men`shix A. A. O vozmeshhenii usherba zhertvam prestuplenij vo Francii // Zhurnal rossijskogo prava. 1999. № 3 - 4. S. 164 - 165.

[8] Ugolovny`j process: problemny`e lekicii / Tomin V.T., Zinchenko I.A. – M., Yurajt, 2013. – 108s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru